ЛБ10 1381

В. Линдъ.

910
1381
X

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ КНЯЗЬЯ.

Цѣна 12 коп.

МОСКВА—1910.
Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ **А. Д. Друтманъ,**
Моховая, домъ Бенкендорфъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
933696V

Типо-лит. Т-ва В. Чичеринъ въ Москвѣ, Марьинскій уч., соб. до

Первые русскіе князья.

Чтобы ознакомиться съ жизнью первыхъ русскихъ князей, намъ нужно перенестись болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ назадъ.

О Руси тѣхъ временъ сохранилось мало достовѣрныхъ свѣдѣній, такъ какъ первая болѣе правильная запись событій появилась много лѣтъ спустя.

До тѣхъ поръ всѣ разсказы передавались устно, въ преданіяхъ, безъ соблюденія точности и, какъ водится, съ большими прикрасами. Потомъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ въ Россію стала проникать грамотность, эти устные разсказы стали записываться; но они долго еще сохраняли свой сказочный характеръ и ничѣмъ не отличались отъ преданія. Приходилось по догадкамъ возстановлять годы и порядокъ событій. Только къ концу XI вѣка эти повѣствованія стали послѣдовательнѣе и правдоподобнѣе, такъ какъ писались современниками и по годамъ. Такая по-годная запись событій называлась лѣтописью. Лѣтописаніе было любимымъ занятіемъ нашихъ древнихъ книжниковъ. Въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ частныя, преимущественно духовныя, лица—монахи, священники—записывали для себя событія, происходившія на Руси. Съ теченіемъ времени подъ руками древне-русскихъ книжниковъ, нако-

пилось много такихъ частныхъ мѣстныхъ записей; грамотеи, слѣдовавшіе за первоначальными лѣтописцами, собирали записи, сводили ихъ воедино и прибавляли къ нимъ съ своей стороны нѣсколько новыхъ дальнѣйшихъ лѣтъ. Первоначальныя частныя записи почти всѣ погибли, но уцѣлѣли составленные изъ нихъ лѣтописные своды. Черезъ соединеніе ихъ образовался непрерывный по-годный разсказъ о событіяхъ, совершавшихся въ нашемъ отечествѣ, разсказъ не вездѣ одинаково полный и подробный, но одного духа и направленія, съ одинаковыми пріемами и взглядами на историческія событія. Въ такомъ сводномъ изложеніи дошли до насъ и древнѣйшія извѣстія, повѣствующія о томъ, что случилось въ нашей землѣ еще задолго до образованія въ ней сильнаго государства, какіе ее населяли народы и какіе князья ими управляли.

Кромѣ лѣтописнаго разсказа, при описаніи жизни первыхъ русскихъ князей можно пользоваться свѣдѣніями, почерпнутыми изъ сочиненій греческихъ и другихъ иноземныхъ писателей.

Русскимъ въ тѣ времена приходилось часто имѣть дѣло съ Греческой или Византійской имперіей. Они съ ней вели войны, вели торговлю и оттуда же къ нимъ проникло христіанство. Греческіе историки записывали событія изъ русской жизни, имѣвшія отношеніе къ ихъ странѣ и такимъ образомъ пополнили небогатый запасъ свѣдѣній, имѣющійся въ нашей лѣтописи о первыхъ русскихъ князьяхъ. Эти разсказы тѣмъ болѣе интересны, что они правдивѣе и подробнѣе русскихъ

Но прежде чѣмъ говорить о первыхъ князьяхъ, необходимо заглянуть еще дальше назадъ, во времена болѣе отдаленныя, когда на Руси еще не было и рѣчи о какомъ-нибудь государствѣ и когда ее населяли лишь разрозненныя племена.

Извѣстно, что вся Восточная Европа, представляетъ изъ себя обширную равнину, окруженную горами и морями; въ серединѣ ея поднимается холмистая возвышенность, откуда вытекаютъ главныя рѣки со многими притоками. Разноплеменныя народности, населявшія въ тѣ времена эту однообразную равнину, при одинаковыхъ условіяхъ жизни должны были слиться въ одинъ народъ, составить одно государство.

Многочисленныя рѣки, являвшіяся въ тѣ времена самыми удобными и единственными путями сообщенія, еще болѣе способствовали объединенію. По рѣкамъ селились племена, по рѣкамъ первые князья строили города и распространяли свою власть надъ племенами, по нимъ же велись сношенія съ Византіей и Западной Европой.

Но, несмотря на эти благопріятствующія объединенію условія, славянскія племена, по преимуществу населявшія русскую равнину до середины IX вѣка, продолжали жить замкнутой жизнью; между ними не существовало государственной связи. Главнымъ толчкомъ къ образованію государства послужило появленіе въ славянскихъ земляхъ варяговъ. Откуда взялись они, до сихъ поръ окончательно неизвѣстно. Вѣрнѣе всего предполагать, что они пришли со Скандинавскаго полуострова.

Славяне, вошедшіе въ составъ Русскаго госу-

дарства, дѣлились приблизительно на слѣдующія, болѣе крупныя племена: поляне, жившіе по среднему теченію Днѣпра, на его высокомъ правомъ берегу; названіе свое племя это получило отъ обширныхъ полей, ему принадлежавшихъ. Древляне, названные такъ по дремучимъ лѣсамъ, которые они населяли въ нынѣшней Волынской губерніи. Дреговичи, занимавшіе мѣстность между рѣками Припетью и Западной Двиной въ нынѣшней Минской и Витебской губерніяхъ. Сѣверяне, жившіе противъ полянъ на восточномъ берегу Днѣпра, по Деснѣ и Сулѣ. Угличи, жившіе по Днѣстру и Пруту. Родимичи и вятичи, получившіе свое названіе отъ двухъ братьевъ Родома и Вятка; первые изъ нихъ поселились по притоку Днѣпра, Сожу, а вторые—къ востоку отъ нихъ, по верхней Окѣ. Кривичи жили по верховьямъ Волги, Западной Двины и Днѣпра. Наконецъ славяне новогородскіе жили къ сѣверу отъ кривичей у озера Ильменя и по рѣкѣ Волхову.

Вокругъ этихъ разрозненныхъ славянскихъ племенъ жили другіе народы, составлявшіе уже небольшія государства, имѣвшія своихъ верховныхъ властителей. Таковы были хозары, народъ азіатскаго племени, жившіе сначала между морями Чернымъ и Каспійскимъ, но распространившіе впослѣдствіи свои владѣнія далѣе на западъ. Завладѣвъ Крымомъ и поднявшись вверхъ по Днѣпру, они покорили селившіяся тамъ славянскія племена сѣверянъ, полянъ, вятичей и родимичей и обложили ихъ данью. Правитель хозарскаго царства назывался каганомъ.

На сѣверо-востокѣ отъ хозаръ, по Камѣ и Волгѣ, жили болгары; часть ихъ, отдѣлившись, перешла на Дунай и здѣсь образовала новое довольно сильное государство дунайскихъ болгаръ.

Кромѣ этихъ народовъ, восточную Европу населяли и другіе, какъ, напримѣръ, литовцы, жившіе по Нѣману и Вислѣ, и финны — на сѣверѣ нынѣшней Россіи, но они въ тѣ времена не представляли особенной сплоченной силы, а такъ же, какъ и славяне, дѣлились на мелкія племена.

Таковы были народы, населявшіе въ то время Восточную Европу. Но въ IX вѣкѣ, какъ было уже сказано выше, къ нимъ присоединились еще и варяги, пришедшіе со Скандинавскаго полуострова. Это были отважные морскіе разбойники. Живя вблизи моря, они сдѣлались храбрыми мореплавателями и подъ предводительствомъ своихъ королей или викинговъ дѣлали частые набѣги на страны Западной Европы. Ихъ не смущало никакое разстояніе, и на своихъ легкихъ лодочкахъ они проникали всюду. Между прочимъ ѣздили они и въ Константинополь, чтобы въ качествѣ наемныхъ воиновъ поступать на службу къ византійскимъ императорамъ.

Въ Константинополь варяги попадали черезъ славянскія земли, по такъ называемому, великому водному пути. Этотъ путь шелъ рѣкой Невой до Ладожскаго озера, по Волхову въ Ильменское озеро, отсюда рѣкой Ловатью, послѣ чего лодки перетаскивались (волокомъ) въ Днѣпръ и спускались въ Черное море. Совершая часто такія поѣздки, варяги ознакомились со славянскими и фин-

скими племенами, селившимися по этимъ рѣкамъ; они увидѣли ихъ разрозненность и подчинили ихъ постепенно своей власти.

Такимъ образомъ въ то время какъ хозары брали дань съ племенъ жившихъ преимущественно на востокъ до Днѣпра, племена, жившія отъ него къ сѣверу, а именно: славяне новогородскіе, кривичи и нѣкоторыя финскія племена, платили дань варягамъ. Это завоеваніе варяговъ дало толчокъ къ сплоченію подчиненныхъ имъ племенъ. И славяне и финны постарались соединенными силами свергнуть власть новыхъ пришельцевъ и достигли этого. Они изгнали варяговъ за море, перестали платить имъ дань и начали, какъ говоритъ лѣтописецъ, „владѣть сами собой“. Но у освободившихся племенъ начались раздоры: родъ возставалъ на родъ, и потому, рѣшивши положить предѣлъ такимъ безпорядкамъ они рѣшили, по совѣту новогородскаго старѣйшины Гостомысла, призвать къ себѣ князей или правителей изъ варяжскаго рода. Союзныя племена сознавали, что варяги, всѣмъ имъ одинаково чуждые, будутъ управлять ими безпристрастно. „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву“—сказали они, и, порѣшивъ такъ, пошли за море къ варягамъ и сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ,—приходите княжить и владѣть нами“.

Лѣтописецъ относитъ это событіе къ 862 году. Три брата—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ—приняли это приглашеніе и пришли. Первый братъ поселился въ Ладогѣ у славянъ новогородскихъ, вто-

рой на Бѣломъ озерѣ у финскихъ племенъ, третій въ Изборскѣ у кривичей. Почему Рюрикъ избралъ Ладогу, а не Новгородъ, который считался важнѣе, можно объяснить себѣ тѣмъ, что Ладога лежала ближе къ морю и въ началѣ великаго воднаго пути. Такимъ образомъ, Рюрику было выгоднѣе облегчить себѣ сообщеніе съ заморьемъ въ томъ случаѣ, если бы дѣло его пошло недостаточно успѣшно въ новой странѣ. Недавнее изгнаніе варяговъ научило этого князя осторожности, и онъ отчасти боялся суровости призвавшихъ его племенъ. Но, надѣясь на помощь иноземцевъ, Рюрикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасался ихъ вторженія въ свою область. Съ этой мыслью онъ началъ строить въ Ладогѣ крѣпость.

Призваніе первыхъ князей имѣетъ огромное значеніе въ русской исторіи, и съ нея-то и принято считать ея начало. Съ этого же времени Русь получила свое названіе. До тѣхъ поръ племена не имѣли никакого общаго названія. Откуда явилось оно—до сихъ поръ достовѣрно неизвѣстно. Мнѣнія здѣсь расходятся. Одни историки считаютъ, что Русь—слово варяжское и означаетъ мореплавателей, людей живущихъ по берегамъ морскимъ. Другіе же склоняются къ тому, что Русь—славянское слово, и ссылаются на то, что оно гораздо больше было распространено на югѣ, куда Рюрикъ съ братьями не проникалъ, и было извѣстно еще задолго до призванія князей. Можно согласить отчасти оба мнѣнія, припомнивъ, что варяги давно уже ѣздили вдоль всего воднаго пути; такимъ образомъ бывали они и у южныхъ племенъ,

среди которыхъ почему-либо больше привилос
слово Русь.

До насъ дошло очень мало преданій о княже
ніи Рюрика; черезъ два года послѣ призванія
его братья, Синеусъ и Труворъ, умерли. Владѣні
ихъ перешли къ оставшемуся брату. Такимъ об
разомъ, Рюрикъ сдѣлался единственнымъ правите
лемъ. Онъ переселился въ Новгородъ, начал
строить въ своихъ земляхъ города и раздават
ихъ приближеннымъ; такимъ образомъ, въ Россіи
утвердилась феодальная или удѣльная система, го
сподствовавшая еще раньше въ Скандинавіи и в
всей Европѣ. Монархи обыкновенно награждал
цѣлыми областями своихъ вельможъ и любимцевъ
послѣдніе оставались ихъ подданными, но властво
вали, какъ государи, въ своихъ удѣлахъ.

Рюрикъ нажилъ себѣ такимъ образомъ дѣйстві
много недовольныхъ; они уходили на югъ, гдѣ в
концѣ великаго воднаго пути, у полянъ, образовалос
другое варяго-русское владѣніе. „Было“, говорит
преданіе, „у Рюрика двое мужей, не родныхъ ему
Аскольдъ и Диръ; они выпросились у князя итт
къ Царю-Граду съ родомъ своимъ, и когда шл
внизъ по Днѣпру, то увидѣли на горѣ городокъ
спросили у тамошнихъ жителей: чей онъ? Имъ от
вѣчали, что были три брата Кій, Щекъ и Хорив
съ сестрой Лыбедью; они построили этотъ горо
докъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ тепер
дань хозарамъ. Аскольдъ и Диръ остались в
городкѣ, собрали около себя много варяговъ
начали владѣть землей полянъ.“ Этотъ городок
и былъ Кіевъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи мѣстом

ребыванія первыхъ русскихъ князей. Онъ былъ
ъ то время сборнымъ мѣстомъ для варяговъ и
сякаго рода искателей приключеній, сюда-же сте-
ались многіе недовольные новогородскіе славяне.
Неудивительно, что Аскольдъ и Диръ, предводи-
ельствуя этой многочисленной шайкой, легко под-
инили себѣ мирныхъ полянъ. Но послѣ такого
егкаго завоеванія имъ пришлось для отстаиванія
воихъ правъ, бороться съ древлянами и другими
лавянскими племенами, а также и дунайскими
олгарами. Вздумали Аскольдъ и Диръ пред-
ринять также походъ и на Византію; имъ давно
отѣлось исполнить ту завѣтную мечту, съ кото-
ой они отправлялись изъ Новгорода. Походъ
тотъ окончился неудачей, но въ то же время,
лагодаря ему, въ Кіевъ стало проникать христі-
нство и даже былъ посланъ туда изъ Констан-
инополя епископъ. Такіе случаи наблюдались еще
раньше, до Аскольдова похода; нѣкоторые рус-
кіе вожди, попадая на греческія области, вслѣдъ
тѣмъ крестились.

Но владѣніе, основанное варяжскими выходцами
ъ Кіевѣ, не могло быть очень прочно, такъ какъ
ыло основано сбродной шайкой искателей при-
ключеній. Они могли храбро драться съ сосѣдями,
огли сдѣлать набѣгъ на Византію, но не могли
о своимъ средствамъ да и не имѣли въ виду
сновать какой-нибудь прочный порядокъ среди
леменъ, жившихъ по великому водному пути. Это
огли сдѣлать только сѣверныя племена, обладав-
ія достаточной матеріальной силой и подчиненныя
дному правителю.

Въ 869 году умеръ Рюрикъ, оставивъ послѣ себя маленькаго сына Игоря, котораго поручилъ своему родственнику Олегу. Послѣдній получилъ всю власть Рюрика и удерживалъ ее до конца жизни. Первымъ дѣломъ Олега было предпринять походъ вдоль всего воднаго пути. Приготовлялся онъ къ нему три года и, наконецъ, собравъ войско изъ варяговъ и подвластныхъ ему племенъ, пустился въ путь. Въ первый разъ славянскимъ племенамъ пришлось столкнуться съ такой организованной силой. Тутъ шелъ не вождь какой-нибудь одной варяжской дружины, а вождь, въ рукахъ котораго были сосредоточены силы всѣхъ сѣверныхъ племенъ; онъ шелъ не съ цѣлью одного грабежа, не для того, чтобы пробраться въ Византію но, пользуясь своей силой, онъ подчинялъ себѣ всѣ встрѣчающіяся ему на пути племена, закрѣпилъ навсегда находящіеся на пути его мѣста и города.

Этотъ походъ совершился слѣдующимъ образомъ: дойдя до Днѣпра Олегъ завладѣлъ землей кривичей и взялъ ихъ городъ Смоленскъ, гдѣ посадилъ своего воина, или мужа, съ дружиной, достаточной для удержанія новаго владѣнія. Такъ же взялъ онъ землю сѣверянъ и городъ ихъ Любечъ. Наконецъ, Олегъ дошелъ до Кіева, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ; тутъ ему пришлось пуститься на хитрость. Русскій князь, по преданію, спрятавъ часть своихъ лодокъ и дружину, послалъ сказать Аскольду и Диру, что земляки ихъ, купцы идущіе въ Византію отъ Олега и княжича Игоря, хотятъ повидаться съ ними. Аскольдъ и Диръ вышли, но были сейчасъ же окружены ратными людьми, выскочив-

шими изъ лодокъ, гдѣ они были спрятаны. Олегъ при этомъ сказалъ: „Вы не князья и не рода княжескаго“. И указывая на Игоря, который былъ тоже тутъ прибавилъ: „Вотъ сынъ Рюриковъ“. Аскольдъ и Диръ были тутъ же убиты, послѣ чего Олегъ поселился въ Кіевѣ, сдѣлавъ его своимъ главнымъ городомъ. По словамъ лѣтописца, Олегъ сказалъ, что Кіевъ долженъ быть „матерью городамъ русскимъ“. Такимъ образомъ съ этихъ поръ оба конца великаго воднаго пути соединились въ рукахъ одного князя. Но для Олега было безусловно выгоднѣе поселиться въ Кіевѣ, который кромѣ красоты мѣстности и хорошаго климата, былъ интересенъ тѣмъ, что здѣсь собирались русскія лодки, отправлявшіяся въ Черное море. Самъ городъ находился по сосѣдству съ сильными и опасными племенами и Олегу, думавшему больше всего о завоеваніяхъ, хотѣлось жить на границѣ своихъ владѣній, чтобы легче было нападать на чужія земли. Онъ хотѣлъ пугать сосѣдей, а не бояться ихъ.

Водворившись на югѣ, Олегъ, какъ уже и раньше на сѣверѣ, началъ строить города для защиты своихъ земель. Онъ сверхъ того рѣшилъ опредѣлить отношенія къ старымъ областямъ, т. е. къ племенамъ, прежде покореннымъ, жившимъ въ началѣ великаго воднаго пути. Эти отношенія могли выражаться въ тѣ времена только въ формѣ дани. Олегъ и наложилъ ее на славянъ новогородскихъ, на кривичей и на финскія подвластныя ему племена. Славяне новогородскіе обязывались кромѣ того выплачивать ежегодно 300 гривенъ, для со-

держанія наемной дружины изъ варяговъ, которая должна была защищать сѣверныя области. Установивъ эти отношенія, Олегъ продолжалъ дальше свои завоеванія. Прежде всего онъ пошелъ на древлянъ, которые давно уже враждовали съ полянами. Это племя сдалось послѣ большого сопротивленія, а потому русскій князь наложилъ на нихъ дань болѣе тяжелую: какъ лѣсные жители древляне обязались выдавать по черной куницѣ съ дыма, то-есть со двора. Другихъ сосѣдей, сѣверянъ, Олегъ подчинилъ легче и благодаря тому, что они находились въ хорошихъ отношеніяхъ съ полянами и дань наложилъ на нихъ легче; родимичи сами добровольно согласились платить князю русскому дань.

Преданіе разсказываетъ объ этомъ такъ: „Кому дань даете?“ — спросилъ Олегъ. — „Хозарамъ“, отвѣчали ему. — „Не давайте хозарамъ, а мнѣ давайте“, — сказалъ князь. — Покорные родимичи согласились и начали платить Олегу дань въ томъ же размѣрѣ, какъ платили ее раньше хозарамъ. Потомъ въ слишкомъ двадцать лѣтъ, по счету лѣтописца, Олегу удалось подчинить мелкія славянскія племена, жившія по Вислѣ, Бугу, Днѣстру и Дунаю. Только одни вятичи и угличи сохранили пока свою самостоятельность.

Послѣ вышеприведенныхъ побѣдъ Русь могла бы наслаждаться спокойствіемъ, но воинственный Олегъ не любилъ тишины, поэтому онъ рѣшилъ предпринять походъ въ Византію, богатству которой онъ давно завидовалъ. И вотъ въ 907 году, собравъ всѣ подвластныя ему племена, Олегъ двинулся на Царьградъ. Войска шли и водой и су-

шей; кораблей было по преданію 2000 и на каждомъ по 40 человѣкъ. Когда русскій флотъ явился передъ Царьградомъ, греки замкнули гавань и заперли городъ. Олегъ со своими воинами вышелъ на берегъ и началъ опустошать окрестности.

Онъ разорялъ дворцы, сжигалъ храмы, а своихъ плѣнныхъ сѣкъ мечами, мучилъ, разстрѣливалъ или бросалъ въ воду. Послѣ этого, по преданію, Олегъ приказалъ своимъ воинамъ поставить корабли на колеса. При попутномъ вѣтрѣ подняли паруса, и корабли покатились по сушѣ прямо къ Царьграду. Греки испугались и послали сказать Олегу: „Не губи города, мы беремся давать тебѣ дань, какую хочешь“. Русскій князь пріостановилъ свои войска. Ему выслали изъ города кушанье и питье, но Олегъ, догадавшись, что присланное угощеніе съ отравой, до него не дотронулся. Греки испугались и начали говорить: „Это не Олегъ, но святой Димитрій, посланный на насъ Богомъ“. Русскій князь отправилъ къ греческому императору пословъ, которые вытребовали по 12 гривенъ на корабль, да еще уклады на русскіе города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе, такъ какъ въ перечисленныхъ городахъ сидѣли Олеговы мужи.

Олегъ требовалъ также, чтобы русскіе, приходящіе въ Царьградъ, могли брать припасовъ, сколько хотятъ; чтобы купцы русскіе, приходя въ Грецію, получали въ продолженіе шести мѣсяцевъ продовольствіе—хлѣбъ, вино, мясо, рыбу, овощи; чтобы они могли мыться въ баняхъ сколько хотѣли и чтобы каждый русскій, возвращаясь домой, могъ

получать отъ греческаго царя съѣстное на дорогу, а также якори, канаты, паруса и все нужное для плаванія. Императоръ и вельможи его приняли эти условія, но съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, напримѣръ, они отклонили условіе о снабженіи продовольствіемъ всѣхъ пріѣзжихъ русскихъ, исключивъ изъ этого числа лишь однихъ купцовъ. Потомъ греки потребовали, чтобы князь русскій запретилъ своимъ воинамъ грабить греческія села, а также чтобы русскіе купцы, приходящіе въ Константинополь поселялись у св. Мамы (монастырь въ предмѣстьѣ Царьграда) и получали бы свои мѣсячины или мѣсячное содержаніе лишь послѣ того, какъ будутъ переписаны императорскими посланными. Входить въ городъ должны были русскіе безъ оружія, въ количествѣ не болѣе пятидесяти человѣкъ и въ однѣ ворота, вмѣстѣ съ царскимъ чиновникомъ. Изъ этихъ условій видно, какъ греки относились недовѣрчиво къ русскимъ: они чувствовали, что этотъ народъ могъ при первомъ случаѣ превратиться изъ купцовъ въ воиновъ.

Установленіе этихъ договоровъ было обставлено очень торжественно.

Императоры греческіе, Леонъ и Александръ, цѣловали крестъ, а Олегъ и мужи его, какъ язычники, клялись, по своему закону, оружіемъ и богами своими, Перуномъ и Волосомъ. Такимъ образомъ, былъ заключенъ миръ, послѣ чего Олегъ двинулся обратно въ свои земли. Въ преданіи говорится, что русскій князь и воины его повѣсили въ знакъ побѣды свои щиты на воротахъ цареградскихъ и корабли свои украсили новыми пару-

сами, при чемъ для Руси, или для дружины княжеской, сшили шелковые паруса, а для славянъ, или для простыхъ воиновъ,—полотняные; при первомъ же вѣтрѣ новые паруса разорвались, и славяне сказали: „Примемся за свои холстинные паруса; не надо славянамъ парусовъ полотняныхъ“. Такъ вернулся Олегъ въ Кіевъ. Народъ удивленный его славой и богатствами имъ привезенными, золотомъ, дорогими тканями и разными драгоцѣнностями, прозвалъ Олега „вѣщимъ“, то-есть, мудрымъ.

Черезъ четыре года по возвращеніи съ войны, а именно въ 911 году русскій князь послалъ въ Царьградъ своихъ мужей, чтобы на основаніи прежняго договора съ греками составленнаго сейчасъ послѣ войны, установить письменный договоръ. Онъ является древнѣйшимъ памятникомъ нашей исторіи.

Главные пункты, вновь составленнаго договора, были приблизительно слѣдующіе: если русскій убивалъ христіанина или наоборотъ, то преступникъ долженъ былъ умереть на мѣстѣ; если же убійца убѣгалъ, то имѣніе его отдавалось родственникамъ убитаго. За ударъ мечомъ или чѣмъ бы то ни было виновный платилъ опредѣленный штрафъ, если же у него не находилось нужной суммы, онъ долженъ былъ отдавать все, что имѣлъ. Если русскій похищалъ что-либо у христіанина или христіанинъ у русскаго и воръ былъ пойманъ, то въ случаѣ сопротивленія хозяинъ украденной вещи могъ убить его безнаказанно и взять свое назадъ. Если же воръ отдавался безъ сопротивленія, то его нужно было связать и взять съ него втрое за

похищенное. Если корабль греческій, будучи выброшенъ вѣтромъ, попадалъ на чужую землю и при этомъ находился кто-нибудь изъ русскихъ, то онъ обязывался охранять корабль съ находившимся на немъ грузомъ и отослать его обратно въ христіанскую землю, провожая черезъ опасныя мѣста. Если же мели и противные вѣтры, задерживали греческія суда близъ русскихъ береговъ, то русскіе обязывались проводить ихъ до своей земли, продать находившійся на нихъ товаръ и вырученныя деньги доставить при первой возможности въ Царьградъ. Если въ какой-нибудь странѣ держали русскаго или греческаго невольника и въ томъ же мѣстѣ находился кто-нибудь изъ русскихъ или изъ грековъ, то они обязывались выкупить невольника и возвратить его на родину, за что имъ возмѣщалась потраченная сумма. Если къ грекамъ приводили на продажу русскихъ невольниковъ и наоборотъ,—въ Россію греческихъ, то они продавались за 20 золотыхъ и отпускались на волю. Военноплѣнные также возвращались на родину, при чемъ плѣнившій получалъ общую цѣну невольника. Русскимъ позволялось, по желанію, поступать на службу къ греческому императору, и въ случаѣ, если кто-нибудь изъ нихъ умиралъ въ Греціи, не распорядившись имѣніемъ, и не имѣя вблизи родныхъ, то имѣніе отсылалось родственникамъ въ Россію.

Послѣ заключенія договора императоръ одарилъ пословъ русскихъ золотомъ, драгоцѣнными одеждами, тканями и по обычаю приставилъ къ нимъ людей, которые водили ихъ по церквамъ

цареградскимъ, показывали ихъ богатства, мощи святыхъ, при чемъ излагали ученіе христіанской вѣры. Потомъ пословъ съ честью отпустили въ Кіевъ. Вернувшись, они дали отчетъ своему князю объ успѣхѣ посольства. Это было въ 912 году.

Олегъ былъ уже старъ, онъ хотѣлъ только тишины и мира, никакія войны его не прельщали, и сосѣди, устрашенные его побѣдами, не рѣшались нарушить спокойствіе этого грознаго князя. Вскорѣ по возвращеніи пословъ, осенью того же года, Олегъ умеръ. Было преданіе, что передъ смертью онъ побывалъ на сѣверѣ въ Новгородѣ и въ Ладогѣ, и что будто бы въ послѣдней онъ и похороненъ. Эти извѣстія достовѣрно не подтверждаются, потому что по другимъ свѣдѣніямъ Олегъ былъ похороненъ въ Кіевѣ, на горѣ Щековицѣ.

Преданіе о смерти Олега окружено ореоломъ сказочности. Она также чудесна, какъ его военные подвиги. „Волхвы“, такъ говоритъ лѣтописецъ, „предсказали князю, что ему суждено умереть отъ своего любимаго коня. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года; въ осень пятаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи и, слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; онъ захотѣлъ видѣть его кости, сталъ ногою на черепъ и сказалъ: его-ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила князя, который отъ этого и скончался“...

Смерть Олега произвела огромное впечатлѣніе на его подданныхъ; по словамъ лѣтописца „народъ стенялъ и проливалъ слезы“. Это доказываетъ, что Олегъ, не только ужасалъ враговъ, но былъ

также любимъ своими подданными. Воины могли его оплакивать, какъ смѣлаго и искуснаго предводителя, а народъ,—какъ защитника.

При разборѣ преданій объ Олегѣ мы видимъ, что онъ представлялся въ народной памяти не только храбрымъ воителемъ, но княземъ „вѣщимъ“, мудрымъ или хитрымъ. Хитростью Олегъ овладѣлъ Кіевомъ, ловкими переговорами подчинилъ себѣ восточныя славянскія племена. Хитростью испугалъ грековъ, самъ же не дался имъ въ обманъ. За всѣ эти подвиги онъ былъ названъ своимъ народомъ „вѣщимъ.“ Въ преданіи этомъ русскій князь является также устроителемъ земли: онъ разложилъ дани, построилъ города; при немъ почти всѣ племена, жившія по водному пути, впервые собрались въ одно цѣлое государство и соединенными силами совершили дальній походъ.

По смерти Олега княземъ на Руси сдѣлался Игорь. Хотя и считалось, что Олегъ правилъ за его малолѣтствомъ, но Игорю по смерти своего предшественника было уже около 35 лѣтъ.

Славянскія племена сначала недовѣрчиво смотрѣли на новаго князя. Между недовольными были древляне, которые только ждали смерти Олега, чтобы отдѣлиться отъ Кіева и перестать платить ему дань. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и состояла тогда зависимость славянскихъ племенъ отъ столицы.

Древляне затворились отъ князя и перестали пускать его къ себѣ за сборомъ дани. Игорь, увидѣвъ, что медлить нельзя, рѣшилъ доказать, что въ рукахъ его Олеговъ мечъ. Онъ смирилъ непокорныхъ и положилъ на нихъ въ наказаніе дань

больше той, какую они платили раньше Олегу. Въ это же время въ предѣлахъ Россіи появился страшный своей дерзостью и грабительствомъ народъ. Это были печенѣги.

Восточная часть нынѣшней Россіи, приблизительно тѣ мѣста, гдѣ протекаютъ рѣки: Иртышъ, Тоболъ, Уралъ и Волга, въ продолженіе многихъ столѣтій была заселена кочующими народами, занимавшимися скотоводствомъ и звѣриной ловлей. Эти народы переходили съ мѣста на мѣсто, болѣе сильные вытѣсняли болѣе слабыхъ, всѣ они передвигались постепенно на западъ. Таковы были болгары, перешедшіе на Дунай, таковы же были и печенѣги, народъ съ разбойничьими наклонностями, переселившійся въ Бессарабію, Молдавію и Валахію; оттуда они начали дѣлать набѣги на сосѣдей и нагнали на нихъ большой страхъ своимъ оружіемъ: копьями, лукомъ и стрѣлами, а также своими быстрыми конями. Благодаря тому, что печенѣги занимались скотоводствомъ, имъ нужны были хорошія пастбища для своего скота, и они, не стѣсняясь, приходили со стадами въ чужія земли и располагались тамъ въ своихъ шатрахъ и кибиткахъ. Сосѣди, благодаря ихъ силѣ, не смѣли сопротивляться. Печенѣги ходили тоже и на Кіевъ, но, увидѣвъ, что имъ не справиться съ русскимъ войскомъ, вернулись обратно въ свои земли. Съ тѣхъ поръ они стали за деньги помогать одному народу противъ другого. Греки давали имъ золота для усмиренія болгаръ. Русскіе также платили имъ для того, чтобы имѣть возможность безопасно торговать съ Константинополемъ, такъ какъ днѣпров-

скіе пороги и устья Дуная были заняты печенѣгами. Для русскихъ было выгодно дружить съ такими опасными сосѣдями и при случаѣ получать отъ нихъ наемное войско.

Такимъ образомъ, относительно печенѣговъ Игорь могъ быть спокоенъ и вообще въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ жилъ сравнительно тихо, не предпринимая никакихъ большихъ войнъ, и только въ 941 году онъ отправился походомъ въ Грецію. До тѣхъ поръ онъ, какъ и со всѣми, жилъ съ ней мирно, и даже воины его ходили вмѣстѣ съ греческимъ флотомъ въ Италію. Игорю захотѣлось подъ старость прославиться какимъ-нибудь военнымъ подвигомъ. Онъ собралъ войско и пошелъ моремъ къ берегамъ Греціи.

Не доходя до Константинополя, русское войско высадилось на берегъ и начало опустошать окрестности. Болгары предупредили о томъ византійскаго императора, который поспѣшилъ выслать противъ Игоря полководца Ѳеофана. Русскій князь былъ такъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что рѣшилъ даже щадить своихъ враговъ и брать ихъ въ плѣнъ живыми. Онъ горько ошибся въ своемъ расчетѣ. Ѳеофанъ пустилъ въ ходъ греческій огонь—такъ называлось горючее вещество, выбрасываемое изъ особо приспособленныхъ орудій, и отличавшееся тѣмъ, что оно продолжало горѣть и на водѣ. Противъ этого огня не было никакого спасенія: русскій флотъ былъ имъ частью истребленъ, и Игорь поспѣшилъ уйти къ берегамъ Малой Азіи, гдѣ были въ то время греческія владѣнія; здѣсь онъ высадился съ остатками своего вой-

ска, но былъ опять встрѣченъ греческими полководцами Вардой и Іоанномъ, которые принудили русскія войска вернуться на суда. Русскій князь, видя, что его дѣло проиграно, и угрожаемый голодомъ, снялся ночью съ якорей и поплылъ обратно въ свои земли.

Такимъ образомъ, первый походъ Игоря былъ неудаченъ. Главной причиной пораженія была малочисленность войскъ. Этотъ походъ не былъ похожъ на предпріятіе Олега, совершенное соединенными силами многихъ племенъ, а былъ скорѣе набѣгомъ шайки, малочисленной дружины. Игорь понялъ это и сейчасъ-же по возвращеніи домой началъ собирать большое войско. Онъ пригласилъ изъ-за моря варяговъ, нанялъ печенѣговъ и, призвавъ всѣ подчиненныя ему славянскія племена, въ 944 году выступилъ въ походъ, чтобы отомстить за прежнее пораженіе. Часть войскъ шла водой, часть—сушей. Жители города Херсонеса, или Корсуня, находившагося вблизи нынѣшняго Севастополя и принадлежавшаго грекамъ, послали сказать императору Роману: „Идетъ Русь съ безчисленнымъ множествомъ кораблей; покрыли все море кораблями.“ Дунайскіе болгары послали тоже въ Грецію предупрежденіе: „Идетъ Русь, наняла и печенѣговъ.“ Тогда, по преданію, императоръ послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ своихъ съ просьбою: „Не ходи, но возьми дань, которую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ ней.“ Императоръ послалъ и къ печенѣгамъ золото и дорогія ткани. Русскій князь, дойдя до Дуная, созвалъ свою дружину и передалъ ей

рѣчь греческаго царя. „Если такъ говоритъ царь,“ сказала дружина, „то чего намъ болѣе, когда, не сражавшись, получимъ золото, серебро и дорогія ткани. Какъ знать кто одолѣетъ! Мы-ли,—они-ли! А съ моремъ кто въ совѣтѣ? Это не то, что по землѣ ходить,—по глубинѣ морской: тамъ всѣмъ равная смерть!“ Игорь послушался рѣшенія дружины, велѣлъ печенѣгамъ воевать болгарскую землю, а самъ взялъ у грековъ золота, серебра, тканей на всѣхъ своихъ воиновъ и отправился къ Кіеву, во-свояси.

Этотъ разсказъ о второмъ походѣ Игоря, повидимому, нѣсколько прикрашенъ лѣтописцемъ: условія мира не были такъ выгодны для русскихъ, какъ при Олегѣ. Доказательствомъ этого является письменный договоръ съ греками, заключенный въ 945 году и подтверждающій краткія, быть-можетъ, изустныя условія, составленныя тотчасъ по окончаніи похода. Въ этомъ договорѣ ясно виденъ перевѣсъ на сторонѣ грековъ; въ немъ больше стѣсненій и ограниченій для русскихъ. Такъ, напримѣръ, русскіе послы и купцы, являвшіеся въ Царьградъ, обязывались впредь представлять грамоту отъ своего князя, въ которой послѣдній долженъ былъ написать, что онъ послалъ столько-то кораблей. По этому греки узнавали, что Русь пришла съ миромъ. Въ случаѣ несоблюденія этого условія, прибывшіе задерживались до разъясненія дѣла. Этого ограниченія не было въ Олеговомъ договорѣ. Затѣмъ къ русскимъ долженъ былъ приставляться человѣкъ отъ греческаго правительства, чтобы разбирать спорныя дѣла между ними и греками. Русскимъ купцамъ запрещалось поку-

пать ткани дороже 50-ти золотниковъ или червонцевъ; послѣ покупки онѣ представлялись греческому чиновнику, который накладывалъ на нихъ клеймо. По новому договору русскимъ также запрещалось зимовать въ монастырѣ у св. Мамы. Сверхъ того, на нихъ налагалась обязанность препятствовать болгарамъ воевать съ Херсонесомъ и свободно допускать жителей этого города ловить въ устьѣ днѣпровскомъ рыбу.

Кража судилась съ обѣихъ сторонъ одинаково, но за нее, кромѣ денежнаго штрафа, полагалось по новому договору еще наказаніе. Если грекъ обижалъ русскаго, то русскіе не должны были самоуправно казнить преступника, а наказывало его греческое правительство; если русскіе находили греческій корабль выброшеннымъ на берегъ, то обязывались не обижать находившихся на немъ людей, иначе подвергались строгому наказанію. Остальныя условія сходились приблизительно съ условіями Олега.

Этотъ договоръ былъ заключенъ русскими послами въ Константинополѣ, послѣ чего они вернулись въ Кіевъ въ сопровожденіи греческихъ пословъ. Игорь призвалъ послѣднихъ къ себѣ и спросилъ: „Что вамъ говорилъ царь?“—тѣ отвѣчали: „Царь послалъ насъ къ тебѣ: онъ радъ миру, хочетъ имѣть любовь съ княземъ русскимъ; твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, а цари послали насъ привести къ присягѣ тебя и мужей твоихъ.“ Игорь обѣщалъ имъ это. На другое утро онъ призвалъ пословъ и повелъ ихъ на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ, изображавшій русскаго языческаго бога

Перуна. Русскіе положили передъ нимъ оружіе свое, щиты, золото, и князь вмѣстѣ съ дружиной своей изъ язычниковъ присягнулъ здѣсь. Русскіе же воины изъ христіанъ присягнули въ церкви св. Иліи (это была соборная церковь), такъ какъ многіе варяги уже въ то время крестились. Затѣмъ Игорь отпустилъ греческихъ пословъ, одаривъ ихъ шкурами, рабами и воскомъ. Такимъ образомъ внѣшняя война для Игоря окончилась, но тутъ начались внутреннія неурядицы, причиной которыхъ былъ сборъ дани съ областей. Какъ было сказано раньше, князь русскій сажалъ въ городахъ своихъ мужей, которые жили тамъ, какъ маленькіе царьки. Они окружали себя собственной дружиной, которая представляла изъ себя подобіе разбойничьей шайки. Жила она грабежомъ и подъ названіемъ сбора дани, или хожденія въ дань, обирала жителей ближайшихъ областей, стараясь отличиться передъ другими. Между такими властителями былъ сильный воевода Свѣнельдъ, окружившій себя отборными молодцами. Игорь часто посылалъ его за сборомъ дани, которою воевода широко пользовался вмѣстѣ со своими воинами.

Княжеской дружинѣ это не понравилось, и, какъ только пришла осень, время, когда ѣздили за данью, она стала говорить Игорю: „Молодцы Свѣнельдовы добыли себѣ оружіе и одежды, а мы наги; пойдемъ, князь, въ дань: и ты добудешь и мы“. Въ этой рѣчи ясно слышится голосъ разбойниковъ къ своему атаману, завидующихъ успѣхамъ другой шайки.

Игорь рѣшилъ послушаться своихъ воиновъ и

отправился за сборомъ дани въ землю древлянскую; тамъ онъ набралъ дани еще больше прежняго и уже собирался къ себѣ обратно, но на дорогѣ, подумавъ, сказалъ дружинѣ: „Идите съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще.“ Древляне, повидимому, казались Игорю до того смирными и простоватыми, что онъ не предполагалъ никакой опасности. Отпустивъ большую часть дружины, русскій князь съ небольшимъ числомъ ратниковъ возвратился, чтобы набрать еще больше дани. Древляне, услыхавъ о его возвращеніи, собрались на совѣщаніе со своимъ княземъ Маломъ и сказали: „Повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его, такъ и этотъ: если не убьемъ его, то всѣхъ насъ разоритъ.“ Порѣшивши такъ, они послали сказать Игорю: „Зачѣмъ идешь опять? Вѣдь ты взялъ всю дань!“ Но Игорь не внялъ ихъ словамъ. Тогда древляне, вышедши изъ своего города Коростеня, убили его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ.

Таковъ приблизительно лѣтописный разсказъ о смерти Игоря. Греческій историкъ Левъ Діаконъ описываетъ его еще подробнѣе и говоритъ, что древляне, привязавъ Игоря къ двумъ деревьямъ, разорвали его. Таковъ былъ ужасный конецъ этого князя.

Разсмотрѣвъ, занесенныя въ лѣтопись, преданія объ Игорѣ, мы видимъ что преемникъ Олега представленъ въ нихъ княземъ недѣятельнымъ и неотважнымъ. Онъ не покорялъ новыхъ областей, дружина его была бѣдна и робка такъ же, какъ и онъ самъ: обладая большими силами, они возвратились безъ боя изъ Греціи, потому что не были

увѣрены въ своемъ мужествѣ и боялись бури. Къ этимъ чертамъ Игорева характера по преданью можно прибавить еще корыстолюбіе, которое по тогдашнимъ понятіямъ было недостойно хорошаго вождя: князь долженъ былъ все дѣлить съ дружиной, а Игорь при сборѣ дани у древлянъ нарочно отпустилъ свою, чтобы не дѣлиться съ ней добычей.

Смерть Игоря не осталась безнаказаной. По обычаю того времени, родственники убитаго должны были мстить убійцамъ и такъ какъ сынъ Игоревъ, Святославъ, былъ очень молодъ, то эту обязанность взяла на себя вдова его Ольга.

Она была женщина очень умная и хитрая и месть она придумала тоже необыкновенную. О ней у лѣтописца разсказывается приблизительно такъ. Убивъ Игоря, древляне стали думать: „Вотъ мы убили русскаго князя; возьмемъ теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ его, Святославомъ, сдѣлаемъ что хотимъ“. Порѣшивъ такимъ образомъ, древляне послали къ Ольгѣ двадцать своихъ лучшихъ мужей; они выѣхали на лодкѣ, такъ какъ ближайшій путь до Кіева былъ по водѣ. Лишь только Ольга узнала о пріѣздѣ древлянъ, она призвала ихъ къ себѣ, и спросила, зачѣмъ они пришли? Послы отвѣчали: „Послала насъ древлянская земля сказать тебѣ: мужа твоего мы убили за его хищность и грабительство, но князья древлянскіе добры и великодушны: ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь женой нашего князя Мала“. Ольга имъ на это отвѣтила: „Люба мнѣ ваша рѣчь, вѣдь въ самомъ дѣлѣ, мнѣ мужа своего не воскресить, но

мнѣ хочется почтить васъ завтра передъ своими людьми. Теперь вы ступайте назадъ въ свою лодку и разлягтесь тамъ съ важностью; а какъ завтра утромъ я пришлю за вами, то вы скажете посланнымъ: не ѣдемъ на коняхъ, нейдемъ пѣшкомъ, а несите насъ въ лодкѣ! Они васъ и понесутъ.“ Сказавъ это древлянамъ, Ольга тайно отъ нихъ приказала вырыть на загородномъ теремномъ дворѣ глубокую яму и,ославъ на другое утро за гостями велѣла передать имъ: „Ольга зоветъ васъ на великую честь!“ Древляне отвѣчали: „Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ и пѣшкомъ нейдемъ, несите насъ въ лодкѣ!“ Кіевляне сказали на это: „Мы люди невольные; князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя“, — и подняли они древлянъ вмѣстѣ съ лодкой, принесли ихъ на теремный дворъ, гдѣ была вырыта яма и бросили ихъ туда, а Ольга пришедши, нагнулась къ нимъ и спросила: „Довольны ли вы честью?“ Древляне отвѣчали: „Охъ, хуже намъ Игоревой смерти!“ Княгиня велѣла ихъ засыпать землей и черезъ гонца своего посланнаго къ древлянамъ, объявила: „Если вы въ самомъ дѣлѣ меня просите къ себѣ, то пришлите еще знатныхъ мужей, чтобы мнѣ притти къ вамъ съ великой честью, а то, пожалуй, кіевляне меня не пустятъ“.

Древляне, не подозрѣвавшіе объ Ольгиной хитрости, исполнили ее приказанье: выбрали опять лучшихъ мужей своихъ и послали ихъ въ Кіевъ.

Но русская княгиня готовила новую месть: какъ только пріѣхали послы, Ольга приказала

истопить баню, куда и пригласила своихъ гостей, по обычаю того времени.

Лишь только древляне начали мыться, двери за ними заперли, а избу подожгли. Такимъ образомъ, послы погибли въ пламени. Между тѣмъ, Ольга не дремала и отправила къ древлянамъ второго гонца, которому велѣла передать отъ своего имени: „Я уже по дорогѣ къ вамъ; наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили моего мужа, я поплачу надъ его могилой и отпраздную тризну“ (по-нашему—поминки). Древляне послушались и наварили много меда. Ольга явилась на тризну съ небольшой дружиной,—она подошла къ могилѣ своего мужа, поплакала надъ ней и велѣла кіевлянамъ насыпать на ней курганъ, послѣ чего начался пиръ. Княгиня приказала своимъ людямъ наливать древлянамъ побольше вина. Послѣдніе, между тѣмъ, удивлялись, что не видятъ съ Ольгой своихъ пословъ, и спросили ее: „А гдѣ наша дружина, что послали за тобой?“ Княгиня на это отмѣтила: „Идутъ за мной вмѣстѣ съ дружиной мужа моего.“ Древляне успокоились и, продолжая пить, вскорѣ совсѣмъ опьянѣли. Ольга велѣла людямъ своимъ пить за ихъ здоровье, а сама отошла прочь и приказала дружинѣ изрубить пировавшихъ древлянъ. Ихъ погибло 5,000 человѣкъ, послѣ чего Ольга возвратилась въ Кіевъ и начала готовиться къ настоящей войнѣ.

Собравъ большое войско и взявъ съ собой сына Святослава и полководцевъ Асмуда и Свѣнельда, о которомъ упоминалось выше, русская княгиня отправилась на слѣдующій годъ въ древлянскую

землю. Оба войска встрѣтились, и Святославъ, хотя еще совсѣмъ маленькій, проявилъ здѣсь въ первый разъ свои военныя наклонности: онъ первый бросилъ копье въ древлянъ; конечно, благодаря его слабости и неопытности оно пролетѣло мимо, но Асмудъ и Свѣнельдъ видя эти слабыя попытки, рѣшили ободрить воиновъ примѣромъ своего князя и сказали: „Князь уже началъ; потянемъ дружина за княземъ“. Эти слова воодушевили войско, которое принудило древлянъ бѣжать съ поля сраженія и затвориться въ своихъ городахъ. Ольга подступила тогда съ войсками къ главному городу древлянскому Коростеню, но всѣ ея попытки взять его оказались тщетны. Простоявъ у стѣнъ городскихъ цѣлое лѣто, русская княгиня рѣшила пуститься на хитрость и послала сказать въ Коростень: „Изъ чего вы сидите? Всѣ ваши города сдались мнѣ, взялись платить дань и спокойно теперь обрабатываютъ свои поля, а вы одни хотите лучше помереть голодомъ, чѣмъ согласиться на дань.“ Древляне отвѣчали: „Мы рады были-бы платить дань, но вѣдь ты хочешь мстить за мужа?“ Ольга велѣла имъ сказать на это: „Я уже отомстила за мужа не разъ, въ Кіевѣ и здѣсь на тризнѣ, а теперь уже не хочу больше мстить, а хочу дань брать понемногу и, помирившись съ вами, пойду прочь.“ Древляне спросили: „Чего же ты хочешь отъ насъ? рады давать медомъ и мѣхами“. Ольга отвѣчала: „Теперь у васъ нѣтъ ни меда, ни мѣховъ, и потому требую отъ васъ немного: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья; я не хочу наклады-

вать на васъ тяжкой дани, какъ дѣлалъ мой мужъ,
а прошу съ васъ мало, потому что вы изнемогли
въ осадѣ". Древляне обрадовались такой легкой
дани, и, собравъ съ каждаго двора по три голубя,
послали ихъ съ поклономъ къ Ольгѣ, которая ве-
лѣла имъ передать: „Вы уже покорились мнѣ и
моему сыну, такъ ступайте въ свой городъ; а я
завтра отступлю отъ него и пойду назадъ къ себѣ
домой". Древляне повиновались и, вернувшись въ
Коростень, передали рѣшеніе княгини обрадован-
нымъ жителямъ. Между тѣмъ Ольга раздала по-
лученныхъ птицъ своимъ воинамъ и велѣла при-
вязать къ каждой изъ нихъ сѣру съ огнемъ, за-
вернутые въ тряпку. Какъ только смерклось, птицъ
отпустили на волю, и онѣ всѣ полетѣли къ сво-
имъ; дома, куда онѣ вернулись, сразу всѣ вспых-
нули. Испуганные древляне, тщетно стараясь ту-
шить пожаръ, въ ужасѣ бѣжали изъ города и
были перехватаны русскими воинами. Такимъ обра-
зомъ, Коростень былъ взятъ. Важнѣйшихъ гра-
жданъ Ольга взяла себѣ, а остальныхъ частью
отдала дружинѣ въ рабы, а часть оставила на
мѣстѣ платить дань, которая была положена очень
тяжелая: двѣ трети полагались на Кіевъ, а одна
треть на Вышегородъ, городъ въ окрестностяхъ
Кіева, принадлежавшій лично Ольгѣ, дарованный
ей, какъ женѣ княжеской. Такъ, приблизительно,
описываетъ лѣтописецъ Ольгину месть за убій-
ство мужа. Этотъ разсказъ интересенъ тѣмъ, что
знакомитъ насъ съ обычаями и взглядами тѣхъ
временъ. Поступокъ Ольги, по тогдашнимъ по-
нятіямъ, считался не жестокостью, а священнымъ

подвигомъ. Въ тѣ времена такая месть замѣняла правосудіе. И тотъ, кто свято и безпощадно исполнялъ ее, являлся героемъ въ глазахъ народа.

Послѣ побѣды, а именно въ 946 году, Ольга, взявъ съ собой маленькаго Святослава, въ сопровожденіи дружины объѣхала всю древлянскую область, установила всюду уставы, или уроки, то-есть указала, въ какихъ мѣстахъ покоренные древляне должны были исполнять какую повинность и въ какомъ размѣрѣ.

На слѣдующій годъ, оставивъ Святослава въ Кіевѣ, Ольга объѣздила уже всѣ свои земли; она опредѣлила и установила всюду дани, раздѣлила всѣ свои владѣнія на волости, въ каждой волости устроила погосты, или опредѣленныя мѣста, гдѣ князья должны были останавливаться, пріѣзжая за данью. Главное свое вниманіе Ольга сосредоточила на сѣверной, Новогородской, области, откуда она была родомъ. Всѣ эти нововеденія цѣнились русскимъ народомъ, потому что предохраняли его отъ произвола сборщиковъ дани. Даже древляне примирились отчасти со своимъ положеніемъ и стали съ уваженьемъ смотрѣть на русскую княгиню. Память о ней долго жила въ русскомъ народѣ; это подтверждается тѣмъ, что въ честь ея были названы многія села. Сани Ольги, на которыхъ она совершала свои путешествія, много лѣтъ хранились въ Псковѣ и показывались, какъ драгоцѣнность, а ловища ея, или мѣста, гдѣ она охотилась, были предметомъ особаго почтенія и любопытства.

Утвердивъ такимъ образомъ нѣкоторый внутренній порядокъ въ своемъ государствѣ, Ольга вер-

нулась къ Святославу въ Кіевъ, гдѣ жила нѣ
сколько лѣтъ спокойно, но въ 957 году она рѣ
шила предпринять путешествіе въ Царьградъ,—ей
любопытно было посмотрѣть всѣ чудеса Греціи
сколько дивныхъ разсказовъ приносили съ собой
возвращающіеся оттуда путешественники! Ст
какимъ почтеньемъ смотрѣли потомъ на нихъ
какое у всѣхъ разгоралось желаніе послѣдовать
ихъ примѣру. Неудивительно, что Ольга, считав
шаяся мудрѣйшей изъ людей, захотѣла тоже про
никнуть въ Грецію. Попавъ въ Царьградъ, рус
ская княгиня особенное вниманіе обратила на
греческую религію. Съ основнымъ ученьемъ хри
стіанской вѣры она была еще раньше знакома
въ Кіевѣ и была расположена къ нему. Она часто
говорила съ тамошними церковными пастырями
видѣла ихъ добродѣтельную жизнь и, ясно пони
мая превосходство христіанскаго ученія перед
языческимъ, захотѣла креститься. Пріѣхавъ въ Цары
градъ, поразившись его храмами и священными
сокровищами, Ольга окончательно утвердилась в
своемъ намѣреніи. Ее крестилъ самъ патріархъ
а воспріемникомъ былъ Константинъ Багрянород
ный. Этотъ императоръ и описалъ намъ подробно
пріемъ, сдѣланный русской княгинѣ при византій
скомъ дворѣ, и ея представленіе императрицѣ
Ольга прибыла во дворецъ въ сопровожденіи рус
скихъ пословъ и свиты, которая съ ней пріѣхала
изъ Кіева; къ ней присоединились и русскіе куп
цы, проживавшіе въ Царьградѣ. Константинъ
жена его, окруженные придворными и вельможа
ми, встрѣтили русскую княгиню, послѣ чего импе

раторъ бесѣдовалъ съ ней на свободѣ въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила императрица. Въ этотъ же день, а именно 9 сентября, состоялся парадный обѣдъ въ огромной, такъ называемой, „храминѣ Юстиніановой“, гдѣ императрица сидѣла на тронѣ, а княгиня русская, въ знакъ почтенья къ супругѣ великаго царя, стояла до тѣхъ поръ, пока ей не указали мѣсто за однимъ столовъ съ придворными дамами. Въ продолженіе обѣда играла музыка, пѣлъ хоръ, плясали танцоры и танцовщицы. Послы русскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ. Послѣ обѣда всѣхъ гостей одарили деньгами, каждому дали соразмѣрно съ занимаемымъ имъ положеніемъ. Начиная съ 30 миліаризій, или $2^1/_2$ червонцевъ, и кончая 2-мя миліаризіями, или $^1/_6$ червонца. На особенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски; Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоцѣнными камнями тарелкѣ поднесли ей въ даръ 500 миліаризій, приблизительно около 40 червонцевъ; женщинамъ ея свиты дали отъ 20 до 8 миліаризій.

18 октября княгиня опять обѣдала во дворцѣ. На этотъ разъ она сидѣла за однимъ столомъ съ императрицей, съ ея невѣсткой, женой Романа, брата императора, и съ дѣтьми послѣдней. Самъ императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми русскими. Угощенье закончилось опять дарами, еще умѣреннѣе первыхъ. Ольга получила 200 миліаризій, а другіе еще меньше, по соразмѣрности. Судя по этимъ подаркамъ, можно себѣ представить каковы были тѣ, которые давались предше-

ственникамъ Ольги и ихъ дружинѣ. Хотя тогдашніе русскіе князья и не обладали большимъ денежнымъ богатствомъ, но безъ сомнѣнія, одна учтивость заставила русскую княгиню принять въ даръ 16 червонцевъ. Всѣ церемоніи, соблюдавшіяся при пріемѣ, не понравились честолюбивой Ольгѣ. Въ нихъ слишкомъ рѣзко давали чувствовать то разстояніе, которое существовало между ней, русской княгиней, и особами императорскаго дома. Ольгѣ не понравилось когда ее въ ожиданіи императрицы поставили вмѣстѣ съ знатными гречанками и когда она сама должна была выгораживать себя изъ ихъ среды, привѣтствуя императрицу легкимъ поклономъ, а не падая ницъ, какъ это дѣлали всѣ прочія женщины. И хотя императоръ, при прощаніи, называлъ Ольгу дочерью и одарилъ ее богатыми подарками, но русская княгиня не могла забыть сдѣланный ей пріемъ и при первой возможности отплатила грекамъ. Когда въ Кіевъ пріѣхали послы изъ Греціи, требуя отъ Ольги, чтобы она согласно своему обѣщанію прислала въ Царьградъ вспомогательное войско и дары, то русская княгиня, сказала: „Когда царь вашъ постоитъ у меня на Почайнѣ (рѣчка близъ Кіева) столько же времени, сколько я стояла у него въ Судѣ (гавань константинопольская), тогда я пришлю ему дары и войско“.

Къ извѣстіямъ о пребываніи Ольги въ Греціи преданіе прибавило невѣроятную сказку о томъ, что императоръ, плѣненный ея разумомъ и красотой, предлагалъ ей руку свою и корону, но что Ольга, нареченная во крещеніи Еленой,

отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику, что онъ, какъ духовный отецъ ея, по закону христіанскому, не можетъ на ней жениться. Весь этотъ разсказъ является полнѣйшимъ вымысломъ, такъ какъ императоръ греческій имѣлъ уже жену, и Ольгѣ при крещеніи было уже не менѣе шестидесяти лѣтъ.

Этотъ разсказъ да и многіе другіе изъ жизни Ольги: ея месть древлянамъ, ея заботы о внутреннемъ устройствѣ русской земли, хотя и разукрашенные народной фантазіей, даютъ намъ довольно ясное понятіе о характерѣ этой русской княгини. Можно найти большое сходство между ней и знаменитымъ преемникомъ Рюрика, Олегомъ, собирателемъ племенъ. Сходство это заключается не только въ именахъ, но и во всемъ ихъ внутреннемъ складѣ: оба эти князя, по преданію, отличались, по тогдашнимъ понятіямъ, мудростью, или вѣрнѣе хитростью и ловкостью. Олегъ хитростью убилъ Аскольда и Дира, хитростью испугалъ грековъ и, наконецъ, перехитрилъ этотъ лукавѣйшій изъ народовъ. Ольга хитростью отомстила древлянамъ, хитростью взяла ихъ городъ Коростень и, наконецъ, по словамъ лѣтописца, перехитрила самого императора. Кромѣ того, и Олегъ и Ольга являются въ преданіи устроителями русской земли: Олегъ установилъ дани, построилъ города; Ольга объѣхала всѣ покоренныя земли и постаралась установить въ нихъ нѣкоторый порядокъ.

Этими поѣздками по своимъ землямъ и закончила Ольга свои заботы о внутреннемъ устрой-

ствѣ своихъ земель. По возвращеніи изъ Греціи она, какъ ревностная новообращенная, сосредоточила все свое вниманіе на новой религіи. Ее очень мучила мысль, что сынъ ея, вся семья и весь народъ остаются въ язычествѣ.

Тщетно старалась она уговорить Святослава принять христіанство,—тотъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Въ тѣ времена смѣялись надъ новообращенными, чего раньше при Игорѣ не было. Эти насмѣшки были уже началомъ преслѣдованія, а также знакомъ успленія христіанства. Благодаря обращенію Ольги и многихъ послѣдовавшихъ ея примѣру, новая религія приняла такіе видные размѣры, что обратила на себя вниманіе старой. Борьба начиналась, и самымъ ярымъ противникомъ новой религіи сдѣлался Святославъ. Ольга, по свидѣтельству лѣтописца, часто говорила своему сыну: „Я узнала Бога и радуюсь; если и ты узнаешь Его, то тоже станешь радоваться“. Святославъ не слушался и отвѣчалъ на то: „Какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина станетъ надъ этимъ смѣяться“. Ольга возражала: „Если ты крестишься, то и всѣ станутъ то же дѣлать“. Святославу нечего было отвѣчать на это: не насмѣшекъ дружины боялся онъ, но собственный характеръ его противился принятію христіанства,—онъ не могъ примириться съ христіанской любовью, кротостью и воздержаніемъ. „Онъ не послушался матери“, говорится въ лѣтописи, „и жилъ по обычаю языческому“. Эта самая невозможность отвѣчать на возраженія матери должна была раздражать Святослава, о чемъ свидѣтельствуетъ и

лѣтопись, говоря, что онъ сердился на мать. Ольга даже ожидала большихъ опасностей со стороны язычниковъ, что видно изъ ея словъ патріарху: „Народъ и сынъ мой въ язычествѣ; дай мнѣ Богъ уберечься всякаго зла“. Но эти опасенія не имѣли большого основанія, такъ какъ все вниманіе молодого князя было направлено въ совершенно другую сторону: онъ думалъ только о походахъ. „Когда князь Святославъ выросъ и возмужалъ“ говорится въ лѣтописи, „то началъ набирать воиновъ многихъ и храбрыхъ, ходя легко какъ барсъ, много воевалъ. Идя въ походъ, возовъ за собой не возилъ, ни котловъ, потому что мяса не варилъ, но, изрѣзавъ тонкими ломтями конину, или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ; шатра у него не было, а спалъ онъ на конскомъ потникѣ, положивши сѣдло подъ голову. Такъ вели себя и всѣ воины. Онъ посылалъ въ разныя стороны, къ разнымъ народамъ съ объявленіемъ: „Хочу на васъ итти.“ Изъ этого разсказа мы видимъ, что на войну Святославъ отправлялся только съ одной дружиной, а не съ соединенными силами всѣхъ подвластныхъ племенъ, какъ это дѣлали его предшественники, и, дѣйствительно, при послѣдующихъ разсказахъ о войнахъ Святослава, въ лѣтописи ни разу не перечисляются имена племенъ, въ нихъ участвовавшихъ. Самый способъ веденія войны подтверждаетъ, что она велась съ небольшой отборной дружиной, которая позволяла Святославу обходиться безъ обоза и дѣлать быстрые переходы.

При князьяхъ, предшественникахъ Святослава,

оставалось непокореннымъ славянское племя вя-
тичей. Съ нихъ-то и началъ русскій князь свои
походы. Узнавъ, что вятичи платили дань хоза-
рамъ, онъ устремился на послѣднихъ. Произошла
жестокая битва. Войска хозарскія, предводитель-
ствуемыя самимъ каганомъ, были разбиты; Свя-
тославъ взялъ его городъ на Дону, Бѣлую Вѣжу.

Послѣ этого онъ пошелъ и побѣдилъ ясовъ и
косоговъ,—вѣроятно, теперешнихъ осетинъ и чер-
кесовъ. Вообще о первыхъ войнахъ этого рус-
скаго князя сохранилось очень мало свѣдѣній.
Восточные, арабскіе, писатели относятъ приблизи-
тельно къ этому же 968 году походъ русскихъ
на волжскихъ болгаръ. По всѣмъ вѣроятіямъ,
тогда же произошло и подчиненіе княжества Тьму-
тараканскаго, находившагося на берегахъ Чернаго
и Азовскаго морей и основаннаго русскими выход-
цами, приблизительно на тѣхъ же началахъ, какъ
былъ основанъ Кіевъ.

На возвратномъ пути съ востока Святославъ,
какъ видно изъ лѣтописи, побѣдилъ вятичей и на-
ложилъ на нихъ дань.

О всѣхъ вышеописанныхъ подвигахъ этого рус-
скаго князя лѣтописецъ, вѣроятно, не слыхалъ и
не зналъ ничего, кромѣ голыхъ воспоминаній, по-
лучившихъ въ записяхъ видъ намековъ или даже
оглавленій. Гораздо больше разсказовъ сохрани-
лось о послѣдовавшихъ за этими годами войнахъ.
Свѣдѣнія эти заимствованы по большей части изъ
греческихъ источниковъ, такъ какъ Греція играла
въ этихъ походахъ не малую роль.

Греческій императоръ Никифоръ Фока, опасаясь

войны со стороны арабовъ и болгаръ, рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости и по тогдашнему обычаю вздумалъ вооружить какой-нибудь другой народъ противъ своего врага. Съ этой цѣлью Никифоръ послалъ своего вельможу Калькира къ русскому князю. Калькиру было поручено нанять Святослава вмѣстѣ съ дружиной за 15 кентинарій, или 132,600 червонцевъ, и привести его воевать Болгарію. Хитрый греческій вельможа сумѣлъ расположить въ свою пользу Святослава, прельстивъ его подарками и обѣщаніями. Между ними было рѣшено, что Святославъ, завоевавъ Болгарію, оставитъ ее за собой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ помогать Калькиру въ достиженіи императорскаго престола, за что получитъ отъ послѣдняго несмѣтныя сокровища изъ императорской казны.

Въ 967-мъ году Святославъ, собравъ большое войско въ 60,000 человѣкъ, отправился на лодкахъ въ Болгарію. Приплывъ туда и причаливъ къ дунайскому берегу, русскіе, обнаживъ мечи и закрываясь щитами, бросились и смяли непріятеля. Города сдались побѣдителю. Царь болгарскій отъ горя умеръ, а князь русскій поселился въ его столицѣ, Переяславцѣ на Дунаѣ, и началъ распоряжаться въ завоеванномъ государствѣ. Гордясь своей побѣдой, онъ потребовалъ еще даровъ отъ греческаго императора и весело зажилъ въ главномъ городѣ болгарскомъ.

Святославъ совершенно не думалъ о покинутой имъ землѣ, не думалъ объ опасностяхъ, которымъ она могла подвергаться отъ сосѣдей, а, между тѣмъ, они не дремали.

Вблизи Кіева находились какъ разъ тѣ страшныя степи, откуда могли каждую минуту притти кочевавшіе тамъ дикіе народы; и вотъ, самый сильный изъ нихъ, печенѣги, узнавъ объ отсутствіи князя, рѣшили воспользоваться подходящимъ временемъ и напали на русскую столицу. Тамъ въ это время жила престарѣлая Ольга со своими маленькими внуками. Узнавъ объ опасности, она заперлась въ городѣ. Безчисленное множество печенѣговъ обступило Кіевъ: нельзя было ни выйти изъ него, ни послать вѣсти. Жители изнемогали отъ голода и жажды. Между тѣмъ, какъ видно изъ лѣтописи, на противоположной сторонѣ Днѣпра находился воевода Претичъ съ небольшой, остававшейся въ Россіи дружиной. Онъ не имѣлъ никакого сообщенія съ кіевлянами и не рѣшался напасть въ лодкахъ на печенѣговъ. Тогда кіевляне, потерявъ всякую надежду на помощь, стали говорить: „Нѣтъ-ли кого, кто бы могъ пройти на ту сторону и сказать нашимъ, что если они завтра не нападутъ на печенѣговъ, то мы сдадимся.“ И вотъ, вызвался одинъ молодой человѣкъ: „Я“, сказалъ онъ „пойду“. „Иди“, закричали ему всѣ. Молодой человѣкъ вышелъ изъ города съ уздою, прямо въ толпу непріятеля и, ходя между печенѣгами, спрашивалъ не видалъ ли кто его лошади. Онъ умѣлъ говорить по-печенѣжски и потому они, принявъ его за одного изъ своихъ, дали ему дорогу. Молодой человѣкъ спѣшилъ къ Днѣпру; придя къ водѣ, онъ сбросилъ съ себя платье и поплылъ; печенѣги, догадавшись объ обманѣ, начали стрѣлять по немъ, но юноша былъ уже да-

леко и стрѣлы ихъ не могли его коснуться. Русская дружина, завидя его, выѣхала въ лодкѣ къ нему навстрѣчу и перевезла на другой берегъ. Юноша сказалъ имъ: „Если не подступите завтра къ городу, то люди хотятъ сдаться печенѣгамъ.“ Воевода Претичъ сказалъ на это: „Подступимъ завтра въ лодкахъ, какъ-нибудь захватимъ княгиню съ княжатами и умчимъ ихъ на эту сторону, а не то Святославъ погубитъ насъ, какъ воротится!“ Всѣ согласились съ нимъ и на другой день на разсвѣтѣ печенѣги увидали русскихъ, плывущихъ въ лодкахъ по направленію къ берегу; они оглашали воздухъ трубнымъ звукомъ, на который люди въ городѣ радостно отвѣчали. Печенѣги предположили, что вернулся самъ грозный Святославъ и въ ужасѣ отбѣжали отъ города, а тѣмъ временемъ Ольга съ внуками успѣла сѣсть въ лодку и переѣхать на другой берегъ. Князь печенѣжскій хотя и видѣлъ малое число противника, но не смѣлъ съ нимъ сразиться; онъ потребовалъ дружескаго свиданія съ Претичемъ и спросилъ у него: „Кто это пришелъ?“ Воевода отвѣчалъ: „Люди съ той стороны“. Печенѣгъ опять спросилъ: „А ты князь-ли?“ Претичъ отвѣчалъ: „Я мужъ княжой, и пришелъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ, безчисленное множество войска“. Онъ сказалъ это чтобы пригрозить ему. Тогда князь печенѣжскій сказалъ воеводѣ: „Будь мнѣ другомъ“. Тотъ согласился. Оба подали другъ другу руки и размѣнялись подарками. Князь печенѣжскій подарилъ Претичу коня, саблю, стрѣлы; русскій воевода

отдарилъ его бронею, щитомъ и мечомъ. Послѣ этого печенѣги отступили отъ Кіева, но стали въ недалекомъ разстояніи отъ него. Въ лѣтописи сказано, что „русскимъ нельзя было коней напоить: на Лыбеди (рѣчка близъ Кіева) стояли печенѣги". Такъ въ лѣтописи описана осада русской столицы печенѣгами. Въ этомъ разсказѣ особенно интересно отмѣтить описаніе подарковъ, которыми обмѣнялись Претичъ и печенѣжскій князь: въ нихъ рѣзко выразилось различіе между Европой и Азіей. Степной кочевникъ, всадникъ по преимуществу, вышедшій изъ Азіи, даритъ коня и азіатское оружіе: саблю, стрѣлы; воевода русскій дарить ему оружіе европейскаго воина, скорѣе, оборонительное: броню, щитъ и мечъ.

Освобожденные кіевляне, по словамъ лѣтописца, отправили гонца сказать Святославу: „Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь, отъ своей же отрекся; чуть-чуть насъ не взяли печенѣги вмѣстѣ съ твоей матерью и дѣтьми; если не придешь, не оборонишь насъ, то опять возьмутъ; неужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери старухи, ни дѣтей малыхъ?" Князь, тронутый этими словами, немедленно сѣлъ съ дружиной на коней и поторопился вернуться въ Кіевъ.

Лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ, вернувшись въ свой городъ, съ горячностью лобызалъ мать и дѣтей, радуясь ихъ спасенію, а печенѣговъ, разсердившись, прогналъ окончательно изъ предѣловъ Россіи въ степи.

Мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило

этому воинственному князю. Всѣ его мысли были направлены въ Болгарію, къ берегамъ Дуная.

По преданію, онъ сказалъ матери: „Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ середина земли моей, туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ Греціи—золото, ткани, вина, овощи разныя; отъ чеховъ и венгровъ—серебро и коней; изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ и рабовъ“. Святославъ называлъ Переяславецъ серединой земли своей, вѣроятно, потому, что только Болгарію, пріобрѣтенную имъ самимъ, считалъ своей собственностью, русскую же землю, онъ считалъ, по понятьямъ того времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ. Огорченная Ольга, слыша отъ сына такую рѣчь, отвѣчала ему: „Ты видишь, что я уже больна, куда-же это ты отъ меня уходишь? Когда похоронишь меня, то иди, куда хочешь“. Эти слова оказались, по извѣстію лѣтописца, пророческими: Ольга умерла черезъ три дня послѣ этого разговора. Сынъ, внуки ея и люди плакались по ней плачемъ великимъ. Ольга запретила праздновать по себѣ тризну по обычаю языческому и была погребена христіанскимъ священникомъ на мѣстѣ, ею самой избранномъ.

По смерти матери Святославъ рѣшилъ поскорѣе окончить свое княженіе на Руси: онъ посадилъ своего старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, а второго, Олега, въземлѣ древлянской. Это не значитъ, что русскія владѣнія къ тому времени ограничивались этими волостями: уже при Олегѣ, какъ было сказано выше, все теченіе Днѣпра до Кіева принадлежало русскому князю, въ Смоленскѣ и

Любечѣ сидѣли воеводы, или мужи княжескіе, а Ольга ѣздила и рядила землю до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ новогородской области; слѣдовательно, дѣленія Святослава можно объяснить не недостаткомъ волостей, а тѣмъ, что у него въ то время было только двое способныхъ къ правленію сыновей, остальныя же волости оба брата должны были послѣ подѣлить между собой. Сѣверныя области такимъ образомъ остались безъ правителя. Новогородцы остались этимъ недовольны. Они не любили жить безъ князя и терпѣли это, пока на всей Руси былъ только одинъ, жившій въ Кіевѣ, когда же они узнали, что древляне получили особаго князя, то захотѣли имѣть своего. Послы ихъ по преданію пришли къ Святославу и стали просить себѣ правителя: „Если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ“, говорили они, „то мы найдемъ себѣ князя“. Святославъ отвѣчалъ имъ: „Если бы кто къ вамъ пошелъ, то я былъ бы радъ дать вамъ князя“. Ярополкъ и Олегъ были спрошены и отказались итти, но у Святослава былъ еще третій сынъ, Владиміръ, отъ ключницы Ольгиной именемъ Малуши; родомъ она была изъ Любеча. Новогородцы, по совѣту бывшаго съ ними Малушина брата Добрыни, рѣшили просить себѣ въ князья его племянника: „Дай намъ Владиміра“, говорили они Святославу. Князь отвѣчалъ имъ: „Возьмите“. Новогородцы взяли Владиміра къ себѣ и пошелъ онъ съ дядей своимъ Добрыней въ Новгородъ, а Святославъ направился тѣмъ временемъ въ Переяславецъ.

Такимъ образомъ Святославъ первый ввелъ обы-

чай давать сыновьямъ особенные удѣлы,—мысль не особенно счастливая, бывшая виной многихъ междоусобій и войнъ между удѣльными князьями.

Можетъ показаться страннымъ, что Святославъ не далъ сначала самъ никакой волости своему младшему сыну Владиміру и уже послѣ отправилъ его къ новогородцамъ по требованію послѣднихъ. Это объясняется тѣмъ, что Владиміръ былъ сынъ Малуши, ключницы Ольгиной, слѣдовательно, рабыни, такъ какъ по древнему уставу вольный человѣкъ, ставшій ключникомъ, уже этимъ самымъ превращался въ раба. Ключница-же, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать на ряду съ другой его женой, какой-нибудь княжной, или дочерью знатнаго боярина. Отсюда происхожденіе матери падало и на сына, не отнимая, впрочемъ, у него отцовскихъ правъ: Владиміръ былъ князь, но при случаѣ, когда нужно было сравнить его съ остальными братьями, могли выставить на видъ происхожденіе его матери; такъ, послѣ, полоцкая княжна Рогнѣда, выбирая между двумя женихами, Ярополкомъ и Владиміромъ, говоритъ, что она не хочетъ итти за Владиміра, какъ сына рабыни: княжнѣ было очень естественно обратить вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ при многоженствѣ женщины знатнаго происхожденія старались какъ можно рѣзче отдѣлить себя отъ рабынь своихъ мужей и презрѣніе, которое питали къ послѣднимъ, старались переносить и на ихъ дѣтей. Святославъ придерживался такого же взгляда на своего младшаго сына, и если бы не угрозы новогородцевъ, что они откажутся отъ его

рода и найдутъ себѣ другого князя, онъ бы такъ и не далъ Владиміру никакой волости; Добрыня же хлопоталъ особенно за своего племянника, надѣясь во время малолѣтства его занимать первое мѣсто въ Новгородѣ, а новогородцы пожелали имѣть у себя Владиміра, потому что онъ былъ независимый князь, а не княжескій дружинникъ, притомъ они надѣялись воспитать его въ своемъ обычаѣ. Они и послѣ всегда любили имѣть у себя такого князя, который бы выросъ у нихъ.

Святославъ такимъ образомъ раздавъ свои земли сыновьямъ, отправился навсегда въ Болгарію; онъ считалъ ее своей областью и никакъ не ожидалъ, что народъ встрѣтитъ его тамъ, какъ непріятеля. Многочисленное войско собралось въ Переяславцѣ и напало на русскихъ. Битва была жестокая, и болгары уже начали одолѣвать; тогда Святославъ сказалъ своимъ воинамъ: „Ужъ намъ видно здѣсь погибнуть, потянемъ мужески, братья и дружина!“ Къ вечеру Святославъ одолѣлъ городъ, взявъ его приступомъ. По разсказу греческаго писателя Льва Діакона, онъ посадилъ тамъ на колъ до 20,000 человѣкъ. Послѣ этого русскій князь зажилъ опять въ Переяславцѣ съ мыслью тамъ навсегда остаться. Особенно уговаривалъ его въ этомъ Калькиръ, тотъ самый вельможа, который пріѣзжалъ въ Кіевъ посломъ отъ греческаго императора. Калькиръ надѣялся, какъ было сказано выше, съ помощью русскаго князя, свергнуть съ престола своего императора и занять его мѣсто въ Константинополѣ. Царствовавшій въ то время въ Греціи Іоаннъ Цимисхій только теперь понялъ, какую страшную

ошибку сдѣлалъ его предшественникъ, призвавъ русскихъ къ дунайскимъ берегамъ. Святославъ, отважный и воинственный, казался ему въ ближайшемъ сосѣдствѣ гораздо опаснѣе болгаръ.

Іоаннъ рѣшилъ отправить къ русскому князю пословъ, чтобы уговорить послѣдняго уйти изъ Болгаріи. Между тѣмъ Святославъ жилъ, какъ царь въ завоеванной странѣ и лишь въ знакъ особой милости разрѣшалъ носить царское платье сыну умершаго болгарскаго царя, Борису. Принявъ и выслушавъ византійскихъ пословъ, русскій князь страшно разсердился и потребовалъ отъ императора огромную сумму денегъ за Болгарію, иначе грозился выгнать грековъ изъ Царьграда. Цимисхій, получивъ этотъ отвѣтъ, велѣлъ передать Святославу, что христіане любятъ миръ, но принуждены будутъ силой выгнать русскихъ изъ Болгаріи; что вѣроломный Игорь, подступивъ съ безчисленными ладьями къ Царьграду, ушелъ оттуда едва ли съ десятью и послѣ, взятый въ плѣнъ древлянами, кончилъ бѣдственно свою жизнь: привязанный къ двумъ деревьямъ, былъ растерзанъ надвое; что Святославъ такъ же погибнетъ.

Разгнѣванный русскій князь на это сказалъ: „нѣтъ нужды императору итти сюда, мы сами явимся передъ Константинополемъ и докажемъ, что мы не подлые ремесленники, а воины благородные; не жены, не дѣти, которыхъ пугаютъ масками“: Цимисхій, видя, что переговоры ни къ чему не приводятъ, началъ вооружаться, а Святославъ рѣшилъ предупредить его.

О послѣдовавшей за тѣмъ войнѣ между рус-

скими и греками существуетъ два не совсѣмъ сходящіеся въ описаніи разсказа. Первый, нашъ лѣтописный и второй, составленный греческими историками. Въ лѣтописи побѣда приписывается Святославу, у грековъ—императору и это кажется справедливѣе, такъ какъ война кончилась тѣмъ, что Болгарія осталась въ рукахъ у императора, а Святославъ былъ принужденъ съ горстью воиновъ вернуться назадъ въ Россію. Къ тому же греческіе историки описываютъ всѣ обстоятельсва подробнѣе и яснѣе. Но несмотря на эти преимущества, интересно познакомиться съ обоими разсказами, тѣмъ болѣе, что русскій разсказъ, несмотря на невѣрный свѣтъ, брошенный имъ на событія, важенъ для насъ тѣмъ, что представляетъ яркую картину дружинной жизни и очерчиваетъ характеръ знаменитаго вождя дружины, около котораго собралась толпа подобныхъ ему воиновъ.

У лѣтописца говорится, что до начала битвы, Святославъ послалъ сказать грекамъ: „Хочу на васъ итти, хочу взять вашъ городъ, какъ этотъ“ (то-есть Переяславецъ). Греки отвѣчали: „Намъ не совладать съ вами; возьмите лучше съ насъ дань на себя и на дружину свою, да скажите сколько васъ, такъ мы дадимъ на каждаго человѣка“. „Греки это говорили, желая обмануть русскихъ,“ прибавляетъ лѣтописецъ. Святославъ отвѣчалъ: „Насъ 20,000 человѣкъ,“—десять-то онъ прибавилъ, потому что русскихъ былъ всего 10,000.

Греки, узнавъ о количествѣ воиновъ Святослава, рѣшили имѣть еще больше: они собрали 100,000 и не дали русскимъ дани. Храбрый русскій князь

не смутился, но войско его, видя такого сильнаго врага, испугалось. Тогда Святославъ рѣшилъ ободрить дружину и сказалъ ей: „Намъ некуда дѣться; волей и неволей пришлось стать противъ грековъ: такъ не посрамимъ русской земли, но ляжемъ костями,— мертвымъ не стыдно; если же побѣжимъ, то некуда будетъ убѣжать отъ стыда; станемъ же крѣпко, я пойду передъ вами, и если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ“. Дружина, пріученная любить своего смѣлаго вождя и не бояться смерти, отвѣчала: „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои головы положимъ“.

Войско русское ополчилось, произошла кровопролитная битва, и Святославъ обратилъ въ бѣгство грековъ, послѣ чего пошелъ къ Константинополю, воюя и разбивая по дорогамъ города. До сихъ поръ разсказъ лѣтописца довольно правдоподобенъ, но дальнѣйшее его повѣствованіе менѣе вѣроятно. Онъ пишетъ, что царь греческій въ страхѣ передъ Святославомъ, созвалъ своихъ бояръ въ палату и сказалъ имъ: „Что намъ дѣлать, не можемъ стать противъ него!“ Бояре отвѣчали: „Пошли къ нему дары, испытаемъ его, на что онъ больше польстится—на золото или на ткани дорогія.“ Царь такъ и сдѣлалъ: онъ послалъ и золото и ткани, а также мужа мудраго, которому наказалъ: „Смотри хорошенько ему въ лицо“. Когда Святославу принесли эти дары, то объявили ему, что греки явились съ поклономъ; разложили передъ нимъ золото и ткани; Святославъ, смотря по сторонамъ, сказалъ отрокамъ своимъ: „Спрячьте это!“

Послы возвратились къ царю, который созвалъ

опять бояръ, и стали разсказывать о томъ, как
ихъ принялъ русскій князь: „Какъ пришли мы к
нему и отдали дары, то онъ и не посмотрѣлъ н
нихъ, а велѣлъ спрятать“. Выслушавъ этотъ раз
сказъ, одинъ боярин сказалъ царю: „Поиспытай
ка его еще, пошли ему оружіе“. Послали Свято
славу мечъ и разное другое оружіе; онъ принялъ
началъ хвалить и любоваться и послалъ поклон
царю. Послы, вернувшись, передали императо
поклонъ княжескій и сказали: „Лютъ должен
быть этотъ человѣкъ, что на богатство не смо
тритъ, а оружіе беретъ; дѣлать нечего, станем
платить ему дань“. Царь согласился и послал
сказать Святославу: „Не ходи къ Царь-городу, н
возьми дань, сколько хочешь!“ Іоаннъ видѣлъ
что медлить нельзя, такъ какъ русскіе были уж
недалеко отъ Константинополя, и послалъ им
дань; Святославъ взялъ и за убитыхъ, говоря
„Родъ ихъ возьметъ“. Кромѣ дани, онъ взялъ такж
много даровъ и возвратился въ Переяславецъ с
большой честью. Видя, однако, что дружины оста
лось очень мало, Святославъ началъ думать: „Чт
какъ обманомъ перебьютъ дружину, мою и меня
пойду лучше въ Русь, приведу больше дружины“
Принявши такое рѣшеніе, онъ отправилъ къ царю
бывшему въ то время въ болгарскомъ городѣ До
ростолѣ, пословъ, которые должны были сказат
императору отъ имени своего князя: „Хочу дер
жать съ тобой миръ твердый и любовь“. Іоанн
обрадовался и послалъ дары еще больше первых
Святославъ, принявъ ихъ, началъ говорить дру
жинѣ: „Если не заключимъ мира съ царемъ,

царь узнаетъ, что насъ мало, и греки оступятъ насъ въ городѣ, а русская земля далеко, печенѣги съ нами въ войнѣ, то кто намъ поможетъ? Заключимъ лучше миръ съ царемъ. Греки уже взялись платить намъ дань и того будетъ съ насъ; если же они перестанутъ платить дань, то, собравши побольше войска, пойдемъ опять къ Царьграду". Рѣчь эта полюбилась дружинѣ, и лучшіе воины отправились отъ Святослава въ Доростоль къ царю. Тамъ былъ заключенъ миръ и написанъ договоръ, который такъ же, какъ и предыдущіе внесенъ въ лѣтопись. Поэтому договору русскій князь обязывался не воевать ни страны корсунской, ни болгарской и если другой какой-нибудь народъ нападалъ на грековъ, то русскій князь обязывался воевать съ нимъ. Таковъ приблизительно лѣтописный разсказъ объ войнѣ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ.

Но, какъ было уже сказано раньше, гораздо правдивѣе и подробнѣе описываютъ эту войну сами греки. Прибавивъ къ этому повѣствованію нѣкоторыя замѣчанія позднѣйшихъ историковъ, мы получимъ приблизительно слѣдующій разсказъ.

Великій князь, присоединивъ къ своему войску тогдашнихъ своихъ союзниковъ печенѣговъ и новыхъ своихъ подданныхъ болгаръ, двинулся на Константинополь и разрушалъ встрѣчающіяся по дорогѣ селенія. Такимъ образомъ дошелъ онъ до Адріанополя, гдѣ находился въ это время римскій полководецъ Варда Склиръ. Этотъ воинъ, видя многочисленность русскаго войска, заперся въ городѣ и долго не рѣшался вступить въ битву. Наконецъ

ему удалось хитростью разбить печенѣговъ; послѣ этого ободренные греки сразились съ княземъ Святославомъ и, несмотря на пылкое мужество русскихъ, принудили ихъ отступить, умертивъ, какъ сказано, какихъ-то двухъ знаменитыхъ богатырей русскихъ. Склиру усердно помогалъ въ этой битвѣ братъ его Константинъ Патрикій.

Такимъ образомъ мы видимъ по византійцамъ, что уже самое начало войны было несчастливо для Руси. Святославъ однако не думалъ унывать и русскіе отряды продолжали разорять отдаленныя области имперіи. Цимисхій увидѣлъ, что необходимо всѣми силами государства напасть на русскаго князя и вытѣснить его изъ Болгаріи. Съ этой цѣлью, собравъ огромное войско, онъ на слѣдующій годъ выступилъ изъ Константинополя, предварительно отправивъ къ устью Дуная сильный флотъ, безъ сомнѣнія для того чтобы пресѣчь сообщеніе русскихъ водою съ Кіевомъ.

Хотя Іоннъ и получилъ царскую корону, злодѣйски убивъ императора Никифора, но правилъ государствомъ онъ умѣло. Избирая себѣ искусныхъ полководцевъ, онъ щедро награждалъ ихъ по заслугамъ и тѣ цѣнили это и всѣми силами старались заслужить славной награды. Воины же Іоановы, строгими наказаніями за малѣйшее ослушаніе, были пріучены къ необычайному повиновенію. Собственное его мужество было для всѣхъ примѣромъ.

На пути къ Переяславцу греки были встрѣчены русскими послами, которые хотѣли единственно узнать силу ихъ войскъ. Іоаннъ, не входя съ

ними въ переговоры, велѣлъ осмотрѣть имъ станъ греческій и возвратиться къ своему князю.

Этимъ поступкомъ императоръ показалъ, насколько онъ былъ увѣренъ въ своихъ силахъ и какого опаснаго врага имѣлъ въ его лицѣ Святославъ.

Оставивъ главное войско позади, императоръ съ отборными ратниками, съ легіономъ такъ называемыхъ „безсмертныхъ“, съ 13,000 конницы, съ 10,500 пѣхоты, совершенно неожиданно для русскихъ явился подъ стѣнами Константинополя и напалъ на 8,000 воиновъ Святославовыхъ, занимавшихся спокойно за городомъ воинскимъ ученіемъ. Они были сильно поражены, но храбро вступили въ бой съ греками. Большая часть русскихъ воиновъ легла на мѣстѣ, имъ не помогли войска, вышедшія на подмогу изъ города. Несмотря на то, что греки застали своего противника врасплохъ, побѣда имъ стоила весьма дорого и Цимисхій съ нетерпѣньемъ поджидалъ остальное войско. Какъ только оно пришло, Іоаннъ соединенными силами окружилъ городъ, гдѣ начальствовалъ русскій полководецъ Сфенкаль. Самъ русскій князь съ 60,000 воиновъ стоялъ въ укрѣпленномъ станѣ на берегу Дуная.

Калькиръ, бывшій виновникомъ этой войны, по словамъ греческихъ писателей, бѣжалъ изъ Переяславца увѣдомить Святослава, что столица болгарская осаждена. Но Цимисхій не далъ Святославу времени освободить ее. И послѣ того какъ русскіе отвергли его предложеніе, онъ взялъ городъ приступомъ. Царевичъ Борисъ со многими болгарами попался въ плѣнъ. Императоръ обошелся съ ними благосклонно, увѣряя, какъ быва-

етъ въ такихъ случаяхъ, что онъ вооружился единственно для освобожденія ихъ отъ неволи, и что признаетъ врагами своими однихъ русскихъ. Впослѣдствіи онъ снялъ съ Бориса знаки царскаго достоинства и обратилъ всю Болгарію въ греческую провинцію.

Между тѣмъ въ Переяславцѣ остался нетронутымъ царскій дворецъ, въ которомъ заперлись 8,000 русскихъ воиновъ: они не хотѣли сдаться и мужественно отражали многочисленнаго непріятеля. Напрасно императоръ воодушевлялъ грековъ и самъ со своими оруженосцами ходилъ на приступъ,—никакія усилія не помогали. Видя, что всѣ его старанія тщетны, и не желая уступать отчаянной храбрости осажденныхъ, Цимисхій приказалъ зажечь дворецъ, и храбрые воины Святославовы погибли въ пламени.

Русскій князь, узнавъ о взятіи болгарской столицы, не показалъ своей дружинѣ ни страха, ни огорченія и спѣшилъ только встрѣтить Цимисхія, который со всѣми своими силами приближался къ Доростолю. Непріятели сошлись за 12 миль отъ этого города. Цимисхій и Святославъ, достойные соперники въ славѣ и побѣдѣ, ободривъ каждый своихъ воиновъ, дали знакъ битвы. При звукѣ трубъ началось сраженіе. Отъ перваго стремительнаго удара грековъ поколебались русскіе ряды, но скоро вновь сомкнулись твердой стѣной и, въ свою очередь, начали тѣснить непріятеля. До самаго вечера счастье ласкало то одну, то другую сторону; двѣнадцать разъ то и другое войско думало торжествовать побѣду. По приказанію Цимисхія было

распущено священное знамя имперіи. Императоръ появлялся всюду, гдѣ была опасность; копьемъ своимъ удерживалъ бѣгущихъ и показывалъ имъ путь въ середину враговъ. Наконецъ битва была рѣшена. Святославъ отступилъ къ Доростолю и заперся въ этомъ городѣ. Императоръ расположился передъ нимъ станомъ на возвышеніи, которое окопалъ рвами и укрѣпилъ рядомъ копій и щитовъ. Въ то же время подоспѣлъ греческій флотъ и прекратилъ плаваніе русскихъ по Дунаю. Воины Святославовы испугались его, и, вспомнивъ сожженіе Игоревыхъ судовъ, поспѣшили ввести свои лодки въ безопасное мѣсто. Бодрость Святослава возрастала съ опасностями. Онъ долженъ былъ принимать посильственныя мѣры противъ враждебныхъ ему болгаръ и за измѣну часто сажалъ ихъ въ оковы. Для укрѣпленія города онъ окопалъ стѣны его глубокимъ рвомъ. Греки пишутъ, что воины Святославовы безпрестанными вылазками тревожили ихъ станъ, что они тутъ въ первый разъ появились на коняхъ, но плохо правили ими. Щиты у нихъ доставали до ногъ и брони были кольчужныя. Дрались они съ необычайной рѣшимостью и когда видѣли, что уже нѣтъ надежды на спасенье, сами вонзали себѣ въ сердце мечи. У русскихъ существовало повѣрье что человѣкъ, убитый непріятелемъ, будетъ служить ему на томъ свѣтѣ рабомъ, и они хотѣли сохранить свою свободу въ будущей жизни. Даже жены ратниковъ ополчались и, какъ древнія амазонки, принимали участіе въ битвѣ. Малѣйшій успѣхъ воодушевлялъ русскихъ воиновъ. Однажды, во вре-

мя одной такой вылазки, находившійся среди греческихъ воиновъ свойственникъ императора, магистръ Іоаннъ, будучи въ пьяномъ видѣ, свалился съ лошади. Русскіе, принявъ его, благодаря блестящему оружію и богатымъ коврамъ сѣдла, за самого императора, съ радостными криками бросились къ нему, изорвали его тѣло на куски и потомъ съ великимъ торжествомъ выставили на башнѣ голову этого знатнаго сановника.

Нерѣдко, русскіе, побѣжденные превосходящими ихъ силами грековъ, должны были возвращаться въ городъ, но это отступленіе ихъ не смущало: они шли назадъ въ крѣпость съ гордостью, медленно закинувъ за плечи свои огромные щиты. Ночью, при свѣтѣ луны, они приходили жечь тѣла погибшихъ друзей и братьевъ, лежащихъ въ полѣ, по обычаю закалывали надъ ними плѣнниковъ и съ какими-то священными обрядами погружали младенцевъ въ струи Дуная.

Каждая такая вылазка уносила все больше и больше жертвъ. Число русскихъ воиновъ замѣтно уменьшалось. Главные полководцы пали въ рядахъ непріятеля. Сверхъ того, заключенное въ городѣ войско, благодаря прерванному сообщенію съ окрестностями, не могло получать съѣстныхъ припасовъ и терпѣло страшный голодъ. Въ одну темную бурную ночь, когда лилъ сильный дождь съ градомъ и гремѣлъ ужасный громъ, Святославъ съ 2000 воиновъ сѣлъ на лодки: онъ хотѣлъ достать во что бы то ни стало пищи для своихъ людей. При блескѣ молній, русскіе обошли на своихъ лодкахъ греческій флотъ и собрали въ де-

ревняхъ запасъ хлѣба и пшена. На возвратномъ пути, видя разсѣянныя по берегу толпы непріятеля, которые поили лошадей и рубили дрова, Святославовы воины вышли изъ лодокъ, напали изъ лѣса на грековъ и перебивъ многихъ, благополучно достигли пристани. Но это была ихъ послѣдняя удачная вылазка: императоръ принялъ мѣры, чтобы въ другой разъ ни одна русская лодка не могла выплыть изъ Доростоля.

Уже больше двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада. Счастье совсѣмъ оставило русскихъ. Они ни откуда не могли ждать помощи. Кіевъ былъ далеко, да вѣроятно ничего и не зналъ о бѣдствіи своихъ соотечественниковъ, а сосѣдніе народы, какъ и подобало, были всѣ на сторонѣ болѣе сильнаго Цимисхія. Воины, запертые въ городѣ, изнемогали отъ ранъ и, продолжая терпѣть страшный голодъ, не видѣли уже никакого исхода изъ своего бѣдственнаго положенія. Между тѣмъ, въ греческомъ станѣ всего было въ изобиліи и все новые и новые легіоны приходили изъ Константинополя.

Святославъ, сознавая самъ, что его дѣло плохо, собралъ на совѣтъ свою дружину. Мнѣнія были самыя разнорѣчивыя. Одни предлагали воспользоваться ночью и спастись бѣгствомъ, другіе совѣтовали просить мира у непріятеля, не видя иного способа вернуться въ отечество. Такъ или иначе, но всѣ сходились на томъ, что продолженіе войны во всѣхъ отношеніяхъ невозможно, что русскіе уже не въ силахъ бороться съ греками. Одинъ великій князь не соглашался съ общимъ рѣшеніемъ и хотѣлъ въ послѣдній разъ попытать сча-

стья: „Погибнетъ“ — сказалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ,—„погибнетъ слава россіянъ, если нынѣ устрашимся смерти! Пріятна ли жизнь для тѣхъ которые спасли ее бѣгствомъ? И не впадемъ ли въ презрѣніе у народовъ сосѣдственныхъ, доселѣ ужасаемыхъ именемъ русскимъ? Наслѣдіемъ предковъ своихъ мужественные, непобѣдимые завоеватели многихъ странъ и племенъ или побѣдимъ грековъ, или падемъ съ честью, совершивъ дѣла великія!“ Тронутая этой рѣчью дружина громкими восклицаніями изъявила рѣшимость вступить въ послѣдній бой. На другой день воодушевленное русское войско выступило въ поле за своимъ княземъ. Святославъ приказалъ запереть городскія ворота, чтобы никто не могъ думать о бѣгствѣ и о возвращеніи въ Доростоль. Сраженіе началось утромъ. Въ полдень греки, утомленные жаждой, а больше всего упорствомъ непріятеля, начали отступать. Цимисхій принужденъ былъ дать имъ отдыхъ. Послѣ этого битва возобновилась съ большей силой. Императоръ, видя, что малочисленнымъ русскимъ легче сражаться близъ городскихъ стѣнъ, велѣлъ полководцамъ своимъ заманить ихъ притворнымъ бѣгствомъ въ открытое поле. Эта хитрость не помогла, и къ ночи войска разошлись безъ рѣшительной побѣды. Цимисхій, изумленный отчаяннымъ мужествомъ непріятеля, вздумалъ прекратить утомительную войну единоборствомъ съ княземъ Святославомъ и послалъ сказать послѣднему, что лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ. Святославъ отвѣчалъ:—„Я лучше врага своего

знаю, что мнѣ дѣлать. Если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нея избавиться,—Цимисхій да избираетъ любой!“ За этимъ послѣдовало новое сраженіе, такое же упорное и жестокое, какъ предыдущія. Греки особенно жаждали смерти великаго князя. Одинъ изъ нихъ, храбрый витязь по имени Анемасъ, пробрался сквозь ряды непріятеля и, увидѣвъ Святослава, сшибъ его съ коня сильнымъ ударомъ въ голову. Князь остался невредимъ только благодаря своему шлему, а храбрый грекъ, тутъ же на мѣстѣ палъ отъ мечей княжеской дружины. Долгое время побѣда казалась сомнительной, пока, наконецъ, сама природа не ополчилась на Святослава: съ юга поднялся страшный вѣтеръ и, дуя русскимъ прямо въ лицо, ослѣпилъ ихъ густыми облаками пыли, такъ что они были принуждены прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ 15,500 мертвыхъ и 20,000 щитовъ; самъ князь чуть не попалъ въ плѣнъ. Греки считали себя побѣдителями и, благодаря своему суевѣрію, приписывали всю удачу чуду: они разсказывали другъ другу будто св. Ѳедоръ Стратилатъ явился впереди ихъ войска и, разъѣзжая на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятеніе непріятельскіе полки.

Святославъ, раненый, видя небольшую, оставшуюся кучку своихъ храбрыхъ воиновъ тоже большею частью раненыхъ, рѣшилъ, наконецъ, требовать мира. Цимисхій, обрадованный этимъ предложеніемъ, отправилъ въ русскій станъ богатые дары. „Возьмемъ ихъ,“ сказалъ великій князь дружинѣ:—„когда же будемъ недовольны греками, то, собравъ войско многочисленное, снова найдемъ

путь къ Царьграду.“ То же самое, какъ мы видѣли, встрѣчалось у лѣтописца, но у него ни слова не сказано о русскомъ пораженіи. У византійскихъ историковъ говорится, что императоръ, дозволивъ Святославу свободно выйти изъ Болгаріи и разрѣшивъ русскимъ купцамъ торговать въ Константинополѣ, съ великодушной гордостью прибавилъ: — „Мы, греки, любимъ побѣждать непріятелей, не столько оружіемъ, сколько благодѣяніями.“ Послѣ этого императорскій вельможа Феофанъ Спнкель и русскій воевода Свѣнельдъ именемъ государей своихъ заключили договоръ, содержаніе котораго уже было приведено выше въ лѣтописномъ разсказѣ. Утвердивъ миръ, Цимисхій снабдилъ русскихъ съѣстными припасами. Святославъ передъ тѣмъ какъ покинуть Болгарію, пожелалъ лично увидѣть императора. Должно-быть обоимъ вождямъ было любопытно узнать другъ друга. Свиданіе состоялось на берегу Дуная. Императоръ пріѣхалъ туда на конѣ, въ блестящихъ латахъ, окруженный своей свитой. Святославъ принималъ въ лодкѣ по Дунаю, гребя весломъ наравнѣ со всѣми остальными гребцами. Греки смотрѣли на него съ удивленьемъ. По ихъ сказанію онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, голубые глаза, густыя брови, мало волосъ на бородѣ и длинные косматые усы. Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, что означало его знатное происхожденіе. Шея у него была плотная, грудь широкая и всѣ прочіе члены тѣла очень стройные. Вся наружность

представляла что-то мрачное и свирѣпое. Въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотой отличалась отъ одеждъ прочихъ русскихъ. Императоръ сошелъ съ коня навстрѣчу Святославу, который остался сидѣть въ лодкѣ. Они поговорили и разстались друзьями.

Но врядъ ли эта дружба была искренняя: лишь только русскій князь съ остатками своей дружины направился на лодкахъ Дунаемъ обратно въ свои земли, императоръ отправилъ къ печенѣгамъ пословъ для заключенія союза съ ними, чтобы они впредь не ходили за Дунай, не опустошали Болгарію и свободно пропустили русскихъ черезъ свои земли. Послѣднее условіе было какъ бы предупрежденіе. Печенѣги согласились на всѣ требованія, кромѣ этого.

Они сердились на русскихъ за то, что тѣ примирились съ греками. Такъ пишутъ сами византійцы, но легко можно предположить, что императору было на руку отдѣлаться отъ Святослава. Онъ не безъ основанія предвидѣлъ, что русскій князь не долго оставитъ его землю въ покоѣ.

Такъ или иначе, но предупрежденные печенѣги, въ ожиданіи Святослава, обступили днѣпровскіе пороги. Князь зналъ о грозившей ему опасности. Свѣнельдъ совѣтовалъ ему оставить лодки и сухимъ путемъ обойти пороги:—„Ступай, князь, въ обходъ на коняхъ, потому что стоятъ печенѣги въ порогахъ“. Святославъ не принялъ совѣта и рѣшилъ зимовать при устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобрежьѣ. Тутъ русскимъ пришлось опять терпѣть

страшный голодъ: за лошадиную голову платили по полугривнѣ.

Можетъ-быть Святославъ надѣялся тутъ получить какую-нибудь помощь изъ Россіи,—но тщетно. Лишь только наступила весна, русскіе попытались опять пройти черезъ пороги, но были здѣсь встрѣчены княземъ печенѣжскимъ Курею. Произошла битва. Для изнуренныхъ Святославовыхъ воиновъ она была уже не по силамъ. Самъ князь Святославъ былъ убитъ, и только жалкіе остатки дружины вмѣстѣ съ воеводой Свѣнельдомъ добрались наконецъ до Кіева, принеся туда извѣстіе о гибели своего князя, а Куря, гордясь своей побѣдой, приказалъ сдѣлать изъ черепа Святославова чашу, оковалъ ее въ золото и пилъ изъ нея.

Таковы разсказы о дѣятельности и смерти Святослава. Онъ въ нихъ изображенъ образцомъ воина, и только воина, который съ своей отборной дружиной покинулъ русскую землю для подвиговъ отдаленныхъ, славныхъ для него и безполезныхъ для родной земли. Можно сказать, что Святославъ никогда не имѣлъ на Руси значенія князя: сначала это значеніе имѣла его мать Ольга, потомъ его сыновья. Онъ самъ это сознавалъ и потому медлилъ съ послѣднимъ возвращеніемъ изъ Болгаріи въ Кіевъ, гдѣ уже княжилъ его сынъ. Онъ зналъ, какъ на него смотрѣли кіевляне, еще прежде упрекавшіе его за то, что онъ отрекся отъ Руси. Святославъ потерялъ ту страну, для которой онъ пренебрегъ Русью, и долженъ былъ возвращаться бѣглецомъ въ родную землю.

— Рыцарь большого меча. Легенда и быль. Съ рис. Ц. 40 к.

Львова, кн. М. А. *Мой дѣдъ (2 разсказа). Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

— *Сынъ моряка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 15 к.

— *Теплое сердце. (2 разсказа). Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

Мельницкая, А. *Красивый мальчикъ. Съ рис. Ц. 20 к.

Моваровскій, А. Ѳ. *Разсказы кота въ сапогахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. *Бѣлый витязь. Съ рис. Ц. 1 р.

— *Лопь бѣлоглазая. Съ рис. Ц. 50 к.

— *Новая Земля и Вайгачъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Очертя голову. (На краю гибели). Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

— *Племена глухихъ угловъ. Съ рис. Ц. 1 р.

— *Разсказы о Божьей правдѣ. Съ рис. Ц. 75 к.

— *Чудныя страны и простые люди. Съ рис. Ц. 1 р.

Осиповъ, Н. *Бобыль. Истор. повѣсть XVI вѣка. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

Перелыгинъ, Н. И. *Божья мысль. Съ рис. Изд. 2-е Ц. 30 к.

— *Былое. Разсказы. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к.

— Въ своемъ гнѣздышкѣ. Разск. изъ естествен. исторіи. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

— Добрыя дѣти. Съ рис. Ц. 30 к.

— Жизнь на волѣ. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Кузнецъ-механикъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

— *Любящая душа. Перев. съ малорос. Съ рис. Ц. 25 к.

— Лѣтней порою. Сцены изъ жизни птицъ, насѣкомыхъ и растеній. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Молитва ребенка. Съ рис. Ц. 20 к.

— Маленькая Мелася и др. разсказы. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Неожиданный гость. Съ рис. Ц. 20 к.

— *Огоньки. Разсказы. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к.

— Пастухъ и дѣвочка. Маленькій Тарасъ. Ц. 30 к.

— *Приключенія одного воробушка. Съ рис. Ц. 15 к.

— *Рыбакъ и его дочка. Разсказъ. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Сиротка Маруся. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

— *Сиротки. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 15 к.

— *Сынокъ-кормилецъ. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Черевички. Повѣсть. Съ рис. Ц. 20 к.

Поливанова, Е. Исторія одного котенка. Съ рис. Ц. 40 к.

— *Находка. Разсказъ. Изд. 5-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Поль, А. *Не безъ добрыхъ людей. Съ рис. Ц. 20 к.

— Въ муравьиномъ царствѣ. Улитка. Ц. 20 к.

— *Послѣ урока. Съ рис. Ц. 25 к.

Поповъ, В. А. Милосердный орелъ и др. легенды и сказки. Съ рис. Ц. 25 к.

— *По островамъ Ладожскаго озера. Съ рис. Ц. 40 к.

Радичъ. *Богданъ Хмельницкій. Съ рис. Ц. 50 к.

Рождественская, А. Неожиданная помощь. Съ рис. Ц. 20 к.

Розовъ-Цвѣтковъ, В. Три года на островѣ людоѣдовъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Филимоша. Съ рис. Ц. 30 к.

Сысоевъ, В. *Австралійскіе звѣри. Съ рис. Ц. 25 к.

— Волшебныя сказки. Съ рис. Ц. 40 к.

— *Грызуны. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Интересныя птицы. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Интересныя рыбы. Съ рис. Ц. 20 к.

— *Интересныя насѣкомыя. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Копытные звѣри. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Летающіе звѣри. Съ рис. Ц. 20 к.

— *Хищные звѣри. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Четверорукіе звѣри. Съ рис. Ц. 25 к.

Сѣверцевъ (Поліловъ). *Большое счастье. Съ рис. Ц. 25 к.

— *Переполохъ. Съ рис. Ц. 30 к.

— *Трошка. Съ рис. Ц. 40 к.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА, ШКОЛЪ и ВОЙСКЪ.

Александровскій, А. И. Народное правленіе въ древней Руси. Ц. 15 к.

Асовъ, Н. *Ядовитость нашихъ съѣдобныхъ растеній Ц. 5 к.

Бабенко. *Лирникъ. Ц. 5 к.

Беллами, Э. Черезъ сто лѣтъ (сокращ.) Ц. 10 к.

Гринченко. *Поиски истины. Ц. 3 к.
— *Кто работаетъ, тотъ и имѣетъ. Ц. 10 к.
— *Безъ хлѣба. Ц. 4 к.

Гюи-де-Мопассанъ. *Волкъ. Подъ снѣгомъ. Рыболовы. Ц. 7 к.

Додэ, А. *Прежнее и новое счастье. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
— *Три разсказа. Изд. 2-е. Ц. 8 к.

Конанъ-Дойлъ, А. Желтое лицо. Ц. 5 к.

Линдъ, В. *Что дѣлалось въ русской землѣ до начала русскаго государства. Ц. 8 к.

Линдъ, О. Іоаннъ III. Ц. 15 к.
— Дмитрій Самозванецъ. Ц 12 к.
— *Князь Владиміръ Мономахъ. Ц. 10 к.
— Мамаево побоище. Ц. 8 к.
— *Тверь и Москва въ первую половину XIV в. Ц. 10 к.

Линдъ, Т. Іоаннъ Грозный. Ц. 15 к.
— Крещеніе Руси. Ц. 8 к.
— *Никонъ и Аввакумъ. Ц. 10 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. Въ окопахъ. Ц. 3 к.
— Въ блиндажѣ. Ц. 4 к.
— Лазутчикъ. Ц. 3 к.
— Чемоданъ съ деньгами. Ц. 7 к.
— Черный панъ. Ц. 8 к.

Маевскій, Борисъ. Звѣзда поэта. Отецъ Василій. Ц. 5 к.
— *Плѣнники. Полковое знамя. Ц. 5 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. *Старый воробей. Изд. 3-е. Ц. 5 к.
— *Пріемышъ. Изд. 3-е. Ц. 5 к.
— *Савка. Изд. 3-е. 5 к.
— *Конь-Разбойникъ. Изд. 2-е. Ц. 7 к.
— *Исповѣдь. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
— *Васька-Забалуй. Изд. 2-е. Ц. 3 к.
— *Постойко. Изд. 3-е. Ц. 5 к.
— *Малиновыя горы. Изд. 2-е. Ц. 7 к.
— *Горой. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Мститель. Ц. 8 к.
— *Черный рыцарь. Ц. 7 к.
— *Богъ проститъ. Ц. 10 к.
— *Соловьиная ночь. Ц. 5 к.
— *Старый фельдфебель. Ц. 15 к.
— *Забытый рудникъ. Ц. 8 к.
— Застрѣлился. Ц. 5 к.
— Счастье Ивана Непомнящаго Ц. 15 к.
— Заклеванный воробей. Ц. 3 к.
— Мальчикъ простилъ. Ц. 5 к.

Паперъ, А. *Печатникъ-колдунъ. Ц. 5 к.
— *Первый желѣзнодорожный поѣздъ. Ц. 5 к.
— *Безъ вины виноватый. Ц. 5 к.

Пахомовъ, Ив. *Черная прорубь. Ц. 5 к.
— *Худой таланъ. Ц. 8 к.
— *Кузнецъ Макарка. Ц. 3 к.

Перелыгинъ, Н. И. *Еремѣй. Ц. 6 к.
— *Въ плѣну. Ц. 4 к.

Поль, А. *Чортова долина. Тайна сѣрой кошки. Ц. 3 к.
— *Объ Іоаннѣ Гусѣ. Ц. 4 к.
— *А. С. Хомяковъ. Біографическій очеркъ. Ц. 5 к.
— *Рыцарь Ла-Валеттъ. Ц. 8 к.

Прусъ, Бол. *Антекъ. Ц. 7 к.

Сенкевичъ, Г. *Пойдемъ за Нимъ. Ц. 5 к.

Сѣверцевъ (Полиловъ). *Прощеный. Ц. 3 к.
— *Бандиты. Ц. 3 к.
— *У святого ручья. Ц. 4 к.

Уйда. *Муфлу. Ц. 5 к.

Франко, И. *Маленькій Миронъ. Ц. 3 к.

Черскій, Л. Ф. *Дорогой гость. Ц. 3 к.

Юноша, Кл. *Дѣдушкинъ питомецъ. Ц. 12 к.

Всѣ книги, отмѣченныя знакомъ * допущены въ безплатныя нар. читальни и библіотеки.